

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Часть I. Экономическое состояние Франции во второй половине XVIII века

Гл. I. Сельское хозяйство.	
1. Распределение земельной собственности.	4
2. Формы крестьянского землепользования.	7
3. Сельско-хозяйственная техника.	12
Гл. II. Промышленность.	14
Гл. III. Торговля.	18
Гл. IV. Государственное хозяйство.	29
Гл. V. Физиократы.	35

Часть II. Тюрго.

Гл. I. Молодые годы Тюрго. Служба в парламенте.	43
Гл. II. Тюрго—интендант.	46
Гл. III. Тюрго—министр.	51
Гл. IV. Политико-экономические и историко-философские взгляды Тюрго.	59
Гл. V. Экономическая политика Тюрго.	70

<i>Литература.</i>	76
----------------------------	----

Л и т е р а т у р а

1. „Oeuvres de Turgot“ в издании Dairé à Paris, 1844 г.
2. Е. В. Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху великой революции.
3. Alfred Neymarck. Turgot et ses doctrines.
4. Oeuvres de Voltaire, t. X, p. 567.

**Часть I.
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
СОСТОЯНИЕ
ФРАНЦИИ
во второй половине
XVIII века**

ГЛАВА I

Сельское хозяйство

1. Распределение земельной собственности

Одной из характерных черт аграрного строя Франции XVIII века являлось широкое распространение в ней мелкой крестьянской собственности, что и составляло крупное отличие Франции этого времени от Англии, Италии, Дании и некоторых других западно-европейских и восточно-европейских государств. Вот некоторые данные о распределении земли между различными сословиями:

Название области.	Дворянство.	Духовенство.	Всего оба первые сословия.	Крестьянство.
Артуа.	23 ⁰ / ₀	22 ⁰ / ₀	51 ⁰ / ₀	33 ⁰ / ₀
Пикардия.	33,4 ⁰ / ₀	14,6 ⁰ / ₀	47,9 ⁰ / ₀	36,7 ⁰ / ₀
Бургундия.	35,1 ⁰ / ₀	11,6 ⁰ / ₀	46,7 ⁰ / ₀	33,1 ⁰ / ₀
Лимузен.	15,3 ⁰ / ₀	2,4 ⁰ / ₀	17,7 ⁰ / ₀	59,2 ⁰ / ₀
Верхн. Овернь.	11 ⁰ / ₀	2,1 ⁰ / ₀	13,1 ⁰ / ₀	56 ⁰ / ₀
Керси.	15,5 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀	17,5 ⁰ / ₀	54 ⁰ / ₀
Дофинэ.	12 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀	14 ⁰ / ₀	40,8 ⁰ / ₀
Ланг.	22,3 ⁰ / ₀	1 ⁰ / ₀	23,3 ⁰ / ₀	52 ⁰ / ₀
Беарн.	20 ⁰ / ₀	1,1 ⁰ / ₀	21,1 ⁰ / ₀	60 ⁰ / ₀
Тулузен.	23,7 ⁰ / ₀	4 ⁰ / ₀	32,7 ⁰ / ₀	35 ⁰ / ₀
Руссильон.	32 ⁰ / ₀	4 ⁰ / ₀	36 ⁰ / ₀	45 ⁰ / ₀

Несколько меньшим количеством земли владели крестьяне в некоторых западных областях, но и там далеко не вся земля была сосредоточена в руках высших классов, и, например, в Нормандии, Пуату, Берри, Бретани площадь крестьянского землевладения составляла, в среднем, около $\frac{1}{3}$ общего числа земель. При этом крестьянское землевладение имеет в течение всего XVIII века явную тенденцию к постепенному расширению, и происходит это не только в центральных обла-

стях с преобладанием крестьянского землевладения, но и в северо-западной части Франции, где преобладали дворянские и духовные земли. Увеличение это происходило главным образом за счет дворянства и буржуазии, количество земель которой обнаруживает определенную, хотя и медленную, тенденцию к сокращению.

Второй характерной чертой французского аграрного строя XVIII века являлась чрезвычайная раздробленность дворянских и буржуазных владений. На севере Франции, в Пикардии, земли двух крупнейших дворян-землевладельцев были разбросаны в 14 и 10 приходах, а в области Аргун наиболее богатое аббатство Сен-Ва владело землями в 10 приходах. Ту же картину наблюдаем мы и в центре Франции — в Берри (где самые богатые землевладельцы — герцог Шарлотт и маркиз Куртанго — владели землями в 9 и 7 приходах) и Лимузене, а на юге Франции крупных владений почти совершенно не встречалось, и земли наиболее крупных владельцев области Руссильона были разбросаны в 21, 14 и 10 приходах. Из имений, превышающих 100 арпанов, в этой области не было ни одного, расположенного в одном приходе, а большинство их были распределены в 11—16 приходах. Совершенно та же картина наблюдается и в отношении буржуазных имений (владельцами которых были большей частью представители финансовой буржуазии и судебного сословия), наиболее распространенных в центральной Франции.

Естественным результатом такой крайней раздробленности крупных земельных владений, а также отсутствия в руках их хозяев капиталов, достаточных для самостоятельного ведения хозяйства крупного типа, являлось то, что земли эти лишь в исключительных случаях обрабатывались самими владельцами, общим же правилом являлась сдача их в аренду. Из 112 дворян-собственников Лимузена, лишь 13 обрабатывали земли своими средствами, а в Берри ведение самостоятельного хозяйства были заняты лишь 2% общего числа помещиков. Та же картина наблюдалась и на севере Франции, где, например, в областях Пикардии и Артуа вели самостоятельное хозяйство не более 3% крупных земельных собственников, это относилось не только к помещикам-дворянам, но и землевладельцам-буржуа. При этом земли лишь в очень редких случаях сдавались в аренду крупным арендаторам-фермерам: господствующей же формой аренды явля-

лась сдача земли мелким арендаторам, крестьянам. Даже в северо-западных областях, где система фермерского хозяйства пустила наиболее глубокие корни, сдача земли фермерам составляла все же исключительное явление и встречалась чаще всего по отношению к духовным землям, в остальных же частях Франции аренда земли фермерами не играла сколько-нибудь заметной роли в общей системе хозяйства. Из всех годных для обработки земель Франции более трех четвертей обрабатывались крестьянами, и формы крестьянского землепользования определяли собой таким образом условия обработки не только крестьянских, но также дворянских, духовных и буржуазных земель.

2. Формы крестьянского землепользования

Французское крестьянство XVIII века было обеспечено землей далеко не равномерно, и на ряду с более или менее состоятельными крестьянами было довольно большое число малоземельных и безземельных. Различные области Франции отличались в этом отношении очень значительным разнообразием, да и в пределах одной и той же области размеры земельной обеспеченности крестьян бывали сплошь и рядом очень различными. В центральной Франции среднее число безземельных крестьян составляло около 17½%, но по отдельным приходам количество безземельных колебалось от 1—2% до 50% и даже до 86%. Та же картина наблюдается, в общем, и на юге Франции, на севере число безземельных доходит до 1/3, а на западе процент безземельных был еще выше и достигал в нижней Нормандии и области Перш 80%. Таким образом, не взирая на различие цифр, можно утверждать, что, несмотря на довольно значительные размеры крестьянского землевладения, крестьяне были обеспечены землей далеко не в достаточной степени, и крестьянское малоземелье и безземелье составляет один из отличительных признаков аграрного строя до-революционной Франции.

В экономически отсталой стране, каковой была Франция этого времени, не было налицо предпосылок, необходимых для возникновения аграрного капитализма, и мы уже видели, что крупные землевладельцы не вели собственного хозяйства, а предпочитали сдавать свои земли по мелким участкам арендаторам-крестьянам. Вот почему во Франции XVIII века

безземельные и малоземельные крестьяне не образовали класса сельско-хозяйственных рабочих-батраков, а добывали себе средства существования отчасти при помощи ремесла (о чем см. гл II), главным же образом при помощи аренды принадлежавших крупным землевладельцам земель.

Господствующей формой крестьянской аренды являлось в XVIII веке так называемое половничество, обнимавшее, по словам знаменитого английского путешественника, об'езжавшего Францию в 80-х годах, Артура Юнга, около 7/8 всей земельной площади и сравнительно редко встречавшееся лишь на севере и северо-западе.

При этой форме аренды арендная плата уплачивалась натурой в размере половины собираемого с земли урожая, и лишь в одной Бретани создавался особый вид половничества, при котором к натуральной плате присоединялась и денежная, в большинстве случаев совершенно произвольная, что значительно ухудшало положение арендатора. Но даже и при чисто натуральном характере арендной платы размеры ее (принимая во внимание крайне низкий уровень сельскохозяйственной техники) являлись чрезвычайно обременительными для арендаторов, и тот же Артур Юнг дает блестящие иллюстрации того положения, что половники лишь с большим трудом сносили концы с концами и вели совершенно нищенское существование.

При всем том половничество являлось наиболее благоприятной для крестьян формой аренды, гораздо более благоприятной, например, чем существовавшие в некоторых местностях Франции различные виды краткосрочной аренды, плата за которую взималась не только натурой, но и денежными взносами. Такие арендаторы не только не получали (как половники) каких-либо авансов со стороны землевладельца на обсеменение полей и покупку скота, но должны были полностью платить падавшие на землю государственные повинности (тогда как половники платили их в половинном размере) и обязывались за свой счет улучшать арендуемый участок, не получая за это от землевладельца какого-либо вознаграждения. Если добавить к этому, что во второй половине XVIII века (в связи с ростом хлебных цен и общим развитием денежного хозяйства) арендные цены имели несомненную тенденцию к постепенному повышению, так же как и государственные налоги, и что землевладельцы, в по-

гоне за увеличением своих доходов, неуклонно стремились к захвату общинных земель, бывших совершенно необходимым подспорьем для хозяйства крестьян-арендаторов, то станет совершенно очевидным, что положение этих последних являлось чрезвычайно тяжелым.

Но не лучше жилось крестьянам-собственникам, составившим, несомненно, большинство крестьянства. Прежде всего следует иметь в виду, что так называемые аллодиальные земли, составлявшие полную собственность их владельцев, являлись во Франции XVIII в. исключением. В противоположность господствовавшему лишь в немногих местностях Франции принципу «Nul seigneur sans titre» (нет сеньора без документа) значительная часть Франции управлялась положением «Nulle terre sans seigneur» (нет земли без сеньора). Во Франции XVIII века крепостных крестьян почти не было, они встречались лишь на некоторых духовных и королевских землях, при чем существовавшее в это время крепостских землях, при чем существовавшее в это время крепостное право восточно-европейских государств. Тем не менее громадное большинство крестьянских земель были феодальными, т. е. крепостными, и владевшие ими крестьяне должны были нести целый ряд различных повинностей в пользу своего сеньора-феодала.

Впрочем, так называемые феодальные или сеньоральные повинности падали не на одних только крестьян. Несмотря на наличие вполне оформленной централизованной самодержавно-бюрократической власти во Франции XVIII века сохраняли свою силу и некоторые феодальные традиции и в силу того же принципа «нет земли без сеньора» многие дворянские и буржуазные землевладельцы также были вассалами какого-либо сеньора и несли по отношению к нему целый ряд имущественных и личных повинностей. При этом сеньор вовсе не должен был владеть в своей сеньории какими-либо землями, ему достаточно было иметь хотя бы усадьбу. Впрочем известен ряд случаев, когда сеньоры не имели даже и этой последней и тем не менее пользовались сеньоральными правами по наследству от своих предков, некогда бывших действительными владельцами данной сеньории. Характерным примером такого случая может служить содержащееся в одном из документов того времени следующее описание положения сеньора в своей сеньории «сеньор не владеет ни замком, ни

даже малейшим клочком земли: у него нет даже места для резиденции, и он делает лишь одно—взимает ренты».

Но если сеньоральные повинности падали не на одних только крестьян, а на всех вообще владельцев феодальных земель, то тяжесть всего ложились они именно на плечи крестьян, и в зависимом положении находились не только крестьяне-арендаторы, но и крестьяне-собственники, владельцы так называемых цензив, т.-е. феодальных земель.

Эти феодальные повинности были весьма разнообразны и многочисленные, как видно из следующего их перечисления, приводимого одним из историков французского крестьянства этой эпохи:

1. Так называемый *ценз* — известная сумма денег, которую ежегодно собственники земли платили сеньору. Размеры этого ценза в разных случаях были различные.

2. Наследуя цензиву от родителей или от кого-либо другого, новый собственник обязан был, во-первых, уплатить сеньору некоторую (обыкновенно небольшую) сумму, а во-вторых, на свой счет выправить все нужные бумаги и представить их сеньору.

3. Продавая и покупая землю, продавец и покупатель обязаны были также уплатить сеньору известную сумму денег, вручив ему на хранение купчую.

4. Нередко ценз, уплата деньгами, заменялся так называемым шампаром, т.-е. уплатой натурой. Крестьянин-собственник, например, обязан был отдавать $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$, иногда даже $\frac{1}{4}$ своей жатвы.

5. Сеньор мог требовать, чтобы зависящие от него собственники мололи хлеб только на его мельнице, пекли хлеб только в принадлежащих ему печах, выжимали виноград, только пользуясь его точилом. Если ему казалось выгодным, он в самом деле устраивал мельницу, печь, помещение для выжимания виноградного сока—и, требуя в $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше с приходивших к нему крестьян, чем следовало бы, наживался на этом своим исключительным правом. Чтобы самому со всем этим не возиться, сеньор отдавал на откуп, в аренду, свое право местному мельнику или пекарю; крестьянам и тут, конечно, приходилось переплачивать. Наконец, сеньор (особенно, когда у него самого в данной местности не было собственного имени) мог просто взимать особые

поборы с крестьян за то, что они мелют хлеб или пекут его у себя дома, на своей мельнице, в своей печи. Несправедливость и нелепость этих поборов особенно возмущала крестьян.

6. И это еще было не все. Сеньор часто взимал за проезд по дорогам, за пользование прудом, озером, рекою (за ловлю рыбы, за сплав леса и т. п.), за устройство базаров и ярмарок и т. д.

7. Кое-где к перечисленным тяготам присоединялась и *барщина*: крестьяне-собственники работали несколько дней (5 — 10 — 12 — 15) в году на сеньора. Но барщина была в XVIII веке редким исключением. Можно было бы перечислить еще много других видов податей и повинностей в пользу сеньора, помимо названных, как наиболее распространенных. Крестьянин, сверх того, обязан был исполнять ряд униженных обрядов перед сеньором: почтительно его приветствовать при встречах, новобрачные кое-где до самой революции обязаны были целовать сеньора в голову и в руку по выходе из церкви или откупаться от него деньгами (таков был пережиток исчезнувшего права первой ночи); приходилось кое-где откупаться также от обязанности деревни по нарядам и очереди бить палками по поверхности пруда, чтобы пугать лягушек, мешавших своим кваканьем сну сеньора, и т. п. Все эти мелочные, курьезные, но унижительные и сильно раздражавшие крестьян пережитки старины, так же как и платежи и поборы, перечисленные выше, по верному замечанию одного историка, оттого так и казались возмутительными, что непонятно было, на каком основании собственник, целиком уплативший деньги за свою землю или получивший ее от отца, несет еще на себе ряд обязательств перед совершенно посторонним ему лицом, не получая взамен от этого лица ни малейшей выгоды и, вообще, не имея с ним никаких дел.

Если же принять во внимание, что большинство этих крестьян-собственников страдало помимо всего и от мало-земелья, то станет совершенно ясным то громадное значение, которое для французского крестьянства должны были иметь общинные земли. А между тем одним из характернейших явлений экономической жизни Франции XVIII века является единогласно отмеченный всеми историками процесс быстрого сокращения общинных земель.

Процесс этот, совершенно идентичный с тем, который имел место в Англии, и вытекавший из той же самой причины, что и в Англии — роста денежного хозяйства и стремления крупных землевладельцев к увеличению своих доходов, наметился еще в XVI веке, при чем правительство того времени — опять-таки подобно тому, что было и в Англии — пыталось искусственными мероприятиями положить предел стремлению помещиков к захвату общинных земель. Однако, эта попытка должна была неизбежно кончиться неудачей, и уже очень скоро французское правительство (опять подобно тому, что было и в Англии) не только отказалось от этой борьбы, но стало на диаметрально-противоположный путь. Эдиктом 1669 г. было введено так называемое троение (triage), т.-е. помещикам было предоставлено право присвоить себе одну треть земли, принадлежавшей общине в эпоху существования крепостной зависимости, а позднейшими законами помещикам некоторых отдельных областей Франции было дано право огораживания пустопорожних общинных земель.

В результате как этих законов, так и весьма многочисленных в то время самоуправных действий (и здесь таким образом мы снова имеем полную аналогию с Англией), значительная часть общинных земель Франции постепенно переходила в руки дворян, монастырей и других крупных землевладельцев

3. Сельско-хозяйственная техника

Обязанности крестьян-арендаторов по отношению к владельцам арендуемых ими участков и крестьян-собственников в отношении к их сеньорам и «десятина», которую крестьяне платили в пользу духовенства, составляли лишь меньшую часть лежавших на них повинностей, большую же их часть составляли повинности в пользу государства. Налоговая политика Франции, в полном соответствии с общим характером существовавшего в ней социального строя, была построена на принципе исключительного обложения трудового «третьего сословия», главным образом, крестьянства и полной свободы от налогового обложения сословий нетрудовых — дворянства и духовенства. По образному выражению Тэна,

французский крестьянин XVIII века напоминал собой человека, находящегося по горло в воде и рискующего при самом небольшом волнении потерять под ногами почву и захлебнуться.

При таком положении вещей уровень сельско-хозяйственной техники в крестьянских хозяйствах не мог быть высоким. И так как во Франции не было класса сельских рабочих, а чересполосица и отсутствие у французских землевладельцев капитала мешали им вести самостоятельное хозяйство и вынуждали сдавать свои земли в аренду мелким арендаторам-крестьянам, то уровень сельского хозяйства и на помещичьей земле определялся всецело общими условиями крестьянского хозяйства. Господствующей системой обработки земли было (на ряду с далеко еще не исчезнувшим двухпольем) трехполье; травосеяние было известно лишь в очень немногих местностях севера и востока Франции. Применявшиеся при обработке земли орудия носили самый примитивный характер, скота у крестьян было очень мало, а об уровне сельско-хозяйственных познаний крестьян может дать понятие хотя бы то обстоятельство, что по всей Франции был распространен способ борьбы с гусеницами посредством заклинаний. Голодовки, охватывавшие всю страну, происходили очень часто, и за время от начала XVIII века до революции Франция пережила около 30 голодных годов.

Как правильно замечает И. В. Лучицкий, «Феодально-сеньюральный режим, всей своей тяжестью падавший на все зависимые земли и в особенности земли крестьян, доводивший крестьян и других держателей до полного иногда разорения, ставил непреодолимые преграды какому бы то ни было улучшению в культуре почвы. Франция находилась в заколдованном кругу, из которого единственным мыслимым выходом было и могло быть лишь самое полное и самое рациональное изменение феодально-сеньюральных порядков». Таковы были противоречия между производительными силами и производственными отношениями во французском сельском хозяйстве. Либо «полное изменение феодально-сеньюральных порядков», т.-е. революция, либо полный упадок производительных сил и гибель страны — такова была альтернатива, вставшая перед Францией в конце XVIII века. Мы знаем, что история разрешила вопрос в революционном порядке.

ГЛАВА II

Промышленность

В индустрии, как и в сельском хозяйстве Франции второй половины XVIII века господствовало мелкое производство. Франция этого времени была страной главным образом земледельческой: к началу революции доход, получаемый от сельского хозяйства, приблизительно в $3\frac{1}{2}$ раза превышал доход от промышленности, и фабrikаты были исключительно предметами ввоза. В огромном большинстве случаев преобладала домашняя промышленность. Хотя в документах того времени мы иногда встречаем указания на существование «мануфактур», дающих работу 100—200, а иногда даже и 600—1000 рабочим, но громадное большинство (за исключением немногих существовавших на основании особых королевских привилегий) «мануфактур» XVIII века были в сущности лишь раздаточными конторами, раздававшими сырье и простейшие орудия производства кустарям, работавшим у себя на дому. Кроме того, положение этой мелкой промышленности осложнялось господством цеховой системы.

Французская цеховая система в этот период носила ярко выраженный государственный характер. Одним из основных принципов экономической политики, принятой французским правительством еще с XVII века, было самое точное регламентирование условий производства. Правительство надеялось, что французские товары таким путем окажутся лучше иностранных и смогут с ними свободно конкурировать. Предоставление исключительного права производства цехам было чрезвычайно удобным средством для осуществления такой регламентации. Цеховые мастера со своей стороны пользовались цехами для защиты своих узко-классовых интересов.

Французские цехи XVIII столетия носят определенно олигархический характер. Из трех элементов, составлявших цех — мастеров, подмастерьев и учеников, — только первые были полноправными членами цеха, а достижение звания мастера было делом далеко не легким. Опасаясь конкуренции, которая заставила бы их продавать свои товары по недостаточно высоким ценам, цеховые мастера не только ревниво оберегали исключительную привилегию членов цеха произво-

дить товары данной отрасли (в чем и заключалась основная задача цеховой системы), но и всячески препятствовали увеличению числа конкурентов *внутри* самого цеха. Правом самостоятельного производства пользовались только мастера, которые всячески стесняли доступ к званию мастера, а иногда даже добивались для цеха права не допускать в течение 30—40 лет новых мастеров.

Порядок получения звания мастера в XVIII веке был обычно такой. Прежде всего следовало пробыть известное число лет (в среднем от 3 до 12) в качестве ученика у какого-либо мастера, что уже было нелегко, так как число учеников, которое мог иметь каждый мастер, было строго ограничено. Поступая в обучение, ученик должен был сделать взнос в пользу цеха. Затем нужно было проработать известное число лет в качестве подмастерья, после чего аспирант на звание мастера допускался к испытанию, обычно чрезвычайно трудному. Стараясь всячески ограничить доступ к званию мастера, цеховые мастера не только требовали безукоризненного выполнения работы на испытании, но и делали его как можно более дорого стоящим, напр., требовали выделки какого-либо предмета из серебра, золота, слоновой кости и т. п. Если же прибавить к этому, что получающий звание мастера должен был сделать крупный вступительный взнос в пользу цеха и угостить своих товарищей дорогим обедом, то станет вполне понятным, что сделаться мастером можно было лишь обладая значительными средствами. В некоторых цехах достигнуть звания мастера можно было лишь будучи сыном мастера или женившись на его дочери; в этих случаях процедура значительно упрощалась.

Такова была в общих чертах организация цехового строя в XVIII веке. Как же этот строй отражался на развитии промышленности?

Французское правительство XVII века видело единственное средство для развития французской промышленности и ее успешной конкуренции с иностранной в ее точнейшей регламентации. В течение нескольких лет после 1662 г., было издано около ста пятидесяти частных регламентов и четыре регламента, распространявшиеся на все государство, в которых очень подробно и точно определялись условия производства и окрашивания тканей. Издавался и целый ряд других регламентов, стремившихся ввести во французской промыш-

ленности наиболее высокую технику производства. Но если в момент издания регламентов предписываемые ими правила и соответствовали современным им условиям производства, то уже через несколько лет они могли отстать от развития техники и оказаться устаревшими. Между тем цеховые мастера, опасаясь всякой конкуренции, должны были ревниво следить за тем, чтобы кто-либо из их товарищей, вводя более усовершенствованные способы производства, не понизил стоимость производства и не заставил их тем самым продавать свои товары по более дешевым ценам. Вот почему регламентация производства, казавшаяся правительству лучшим средством развития промышленной техники, должна была неизбежно превратиться в препятствие для такого развития, при чем это препятствие оказывалось тем более сильным, чем энергичнее цеховые мастера требовали применения установленных регламентов. Борясь со всякими изобретениями и изобретателями (которых иногда попросту убивали), цехи особенно сильно противились проникновению во Францию машинного производства, и еще в 70-х годах XVIII века цехи разбивали привозимые из Цюриха ленточные станки.

Поэтому естественно, что еще в конце XVIII века во Франции машинного производства почти не существовало. Тогда как в Англии к 1790 г. имелось уже 20.970 простых прядильных машин — так называемых «дженни», во Франции их было всего около 900, на 143 английских машины Аркрайта во Франции было 8, а на 550 «мюллер-дженни» (соединение машины Аркрайта с простой «дженни») — 1.

Но если таким образом цеховая система являлась непреодолимым препятствием на пути развития производительных сил французской промышленности, то были также моменты, которые подтачивали цеховую систему и способствовали ее разложению, это привилегированные мануфактуры и сельская промышленность. Покровительство отечественной промышленности со стороны правительства выражалось также в распространении новейших технических усовершенствований и привлечении во Францию иностранных промышленников. Всячески покровительствуя переселению во Францию заграничных мануфактуристов со всем их мертвым и живым инвентарем, французское правительство вынуждено было избавлять их, хотя бы в виде исключения, от многочисленных цеховых регламентов, подчинение которым свело бы на-нет

весь смысл этих образцовых препятствий. Но встав на этот путь, правительство должно было затем неизбежно сделать и следующий шаг — освободить от подчинения цеховым регламентам также и французских предпринимателей, соглашавшихся заводить такие образцовые мануфактуры. Впрочем, было бы неправильно превеличивать их значение: число привилегированных мануфактур было невелико, и, являясь лишь жалким оазисом среди цехового ремесла, они в большинстве случаев владели жалкое существование и скоро погибали.

Что касается сельской кустарной промышленности, то существование ее являлось естественным результатом тяжелого экономического положения французского крестьянства. Не имея возможности обеспечить своего существования одним земледелием, крестьяне для увеличения своих доходов занимались и промыслами. Чем меньше давало земледельцу хозяйство, тем сильнее были развиты в деревне эти промыслы, и в наименее плодородных областях Франции они составляли едва ли не основное занятие крестьян, при чем деревенские промыслы встречались не только в текстильной отрасли, но также и железодельной и даже стекольной.

Отношение французского правительства к сельской кустарной промышленности носило двойкий характер. С одной стороны, факт существования сельской промышленности и притом в размерах, придававших ей значение чуть ли не главной отрасли французского производства, решительно подрывал всю правительственную экономическую политику, ибо правительство, настаивая на соблюдении городскими производителями всех существующих регламентов, не имело ровно никакой возможности принудить к этому производителей сельских, по своей многочисленности и разбросанности недоступных какому бы то ни было контролю. С другой же стороны, правительство, не предпринимавшее, как мы видели, никаких мер для улучшения условий существования крестьянства, оказывалось вынужденным мириться с существованием сельской промышленности, являвшейся необходимым подсобным заработком земледельца. Вот почему отношение французского правительства XVIII века к сельской промышленности носило характер постоянных штатаний, пока, наконец, 7 сентября 1762 года правительство Людовика XV, уступая соображениям фискального характера (ибо облагая

крестьян налогами, нужно было дать им физическую возможность уплачивать таковые), не оказалось вынужденным признать независимость кустаря от цеховой регламентации.

Существование привилегированных мануфактур и освобождение кустарной промышленности от ярма цеховой системы неизбежно должно было отозваться и на промышленности городской. Строгое соблюдение городскими производителями всех предписываемых регламентами правил производства и торговли, при свободе от такого обязательства производителей сельских, естественно привело бы к полному разорению цехового ремесла. Подобный результат не мог входить в намерения правительства, и освобождение от цеховой системы в деревнях имело своим естественным следствием постепенное отмирание этой системы и в городах. Но неприменение цеховых регламентов все еще зависело от усмотрения того или иного должностного лица, и самое право этого последнего на законном основании воспрепятствовать применению какого-либо технического усовершенствования не могло не служить огромным тормозом в развитии производственной техники. Полная отмена цехового строя составляла необходимое условие развития французской промышленности, и вопрос о дальнейшем существовании цеховой системы являлся к концу XVIII века одним из кардинальнейших вопросов французской общественной жизни.

ГЛАВА III

Торговля

Тогда как промышленный и сельско-хозяйственный капитализм во Франции XVIII века еще только зарождались, торговый капитал свил себе там настолько прочное гнездо, что Франция до-революционной эпохи с полным правом может быть названа страной торгового капитала.

За три четверти столетия, истекшие с 1715 по 1792 г., размеры французской внешней торговли возросли в четыре раза, а общая сумма французского ввоза и вывоза за 1787 г. определяется весьма солидной цифрой в 834 миллиона ливров, из коих 310 миллионов приходится на ввоз (не считая товаров, ввезенных из французских колоний) и 524 мил-

лиона на вывоз (на 311 миллионов—продуктов земледелия и на 213 миллионов—продуктов промышленности). А по другим данным, относящимся к тому же самому периоду, французский вывоз с 1714 по 1785 г. возрос в следующих размерах:

	Было вывезено:	В 1714 г.	В 1785 г.
Продуктов французского сельск. хозяйства.	на 36 мил.	на 36 мил.	на 93 мил.
" французской промышленности.	" 45 "	" 45 "	" 123 "
" американских колоний.	" 16 "	" 16 "	" 165 "
" азиатских колоний.	" 2 "	" 2 "	" 4 "
Иностраных транзитных товаров.	" 6 "	" 6 "	" 40 "

Из европейских государств Франция вела регулярные торговые сношения с Испанией, Португалией, Пьемонтом, Генуей, Миланом, Тосканой, Римом, Венецией, Россией, Швецией, Данией, Австрией, Пруссией, Саксонией и Гамбургом. Но торговля с этими странами вовсе не исчерпывала собой всей французской внешней торговли, далеко не последнюю статью которой составляла торговля с колониями. Так, например, в 1789 г. сумма товарообмена с одними лишь американскими колониями Франции равнялась 296 миллионов ливров, из коих 78 миллионов приходятся на вывоз (мука, солонина, вина, материи) и 218 миллионов на ввоз (сахар, кофе, какао, поделочное дерево, индиго, хлопчатая бумага, кожа), при чем из этой общей суммы ввезенных во Францию товаров в ней самой было потреблено лишь на 71 миллион, остальное же было вывезено в другие европейские государства.

При таких широких размерах морской торговли, Франция, естественно, должна была иметь несколько больших портов, главнейшими из коих являлись Бордо, Нант и Марсель. Из них уже в 1749—85 г.г. средним числом отправлялись в одни только колонии 163, 103 и 29 судов ежедневно. Но в середине XVIII века крупнейшим портом Франции являлся еще Гавр, отправлявший ежегодно в колонии столько же судов, сколько Бордо и Марсель вместе взятые, а полный расцвет этих последних относится к несколько более позднему времени.

Во второй половине XVIII века Бордо является крупным центром ввоза продуктов из американских колоний и вывоза продуктов французского виноделия, издавна составлявшего одну из главнейших отраслей народного хозяйства южной Франции. Быстрое возрастание размеров французской коло-

ниальной торговли, характерное для второй половины XVIII века (лишь в незначительной степени замедленное потерей в 1763 г. Канады и Луизианы), имело своим следствием быстрый рост значения Бордо и увеличение размеров кораблестроения в этом порту. Еще в 1730 г. (по словам одного документа того времени) бордосские купцы строят очень мало кораблей, предпочитая покупать готовые суда из других французских и даже заграничных портов, а уже через каких-нибудь двадцать лет кораблестроение достигает в Бордо значительных размеров.

В 1754 г.	в Бордо	было построено	14	корабл.	вместим.	в	3640	тонн.
„ 1756	„	„	„	„	„	„	3722	„
„ 1763	„	„	„	„	„	„	5250	„

В 1763—1778 г.г. темп развития бордосского кораблестроения несколько замедляется (за это время было спущено 245 кораблей вместимостью в 74.485 тонн, что составляет в среднем 16 кораблей вместимостью 4.900 тонн ежегодно), вследствие потери в 1763 г. значительной части французских колоний, но с 1779 г. бордосское кораблестроение начинает опять развиваться.

Вторым крупнейшим центром французской морской торговли был во второй половине XVIII века Марсель, являвшийся к тому же порто-франко, т.-е. таким портом, в который товары ввозились без пошлины; пошлина с них взималась лишь в случае их вывоза из Марселя внутрь страны. Такое привилегированное положение (которое разделяли с ним менее значительные порты Дюнкерк, Байона и Лориан) должно было сделать Марсель не только крупнейшим транзитным портом Франции, но также и крупным промышленным центром, перерабатывавшим привозимое сырье перед его экспортом в другие государства. Марсель, действительно, сделался крупнейшим центром мыловарения, кожевенной и красивой индустрии. Вместе с тем Марсель занимал в восточно-европейской торговле то же положение, какое Бордо—в торговле с дальним западом, и вся французская торговля с так называемым Левантом, т.-е. Смирной, Константинополем, Солунью, Александрией, Алеппо, Алжиром, Тунисом и Марокко велась именно через посредство Марселя. Предметом ввоза являлись при этом самые различные виды сырья, а вывоза— кроме продуктов марсельской промышленности—лангедок-

ское сукно, а также и провансальские вина, конкурировавшие с бордосскими, при чем общая сумма марсельского ввоза и вывоза достигала к началу революции 150 миллионов ливров.

Третьим крупным портовым городом Франции являлся в XVIII веке Нант, торговля которого велась, главным образом, с островами Америки, куда ежегодно отправлялось 50 кораблей, вмещавших от 80 до 300 тонн. Груз этих кораблей состоял из ирландской солонины, из полотна, из сахарных мельниц, котлов и т. д. Некоторые корабли останавливались у Мадеры для покупки вин; другие корабли, нагруженные солью, подплывали к Зеленому Мысу для ловли черепах, которые затем продавались в колониях для пропитания негров. В обмен за эти продукты в Нант привозились колонияльные продукты, значительная часть которых, за исключением сахарного песка, который запрещено было вывозить, перегружалась в Нанте на голландские корабли и доставлялась на них на север Европы.

Совершенно иную картину наблюдаем мы во внутренней торговле Франции за указанный период. Здесь французское правительство прежде всего видело в торговле чрезвычайно удобный источник для покрытия постоянного дефицита государственной казны. На ряду с беспощадным обложением сельского населения, одной из основ французской финансовой политики должно было также быть тягчайшее обложение торговли. Если же принять во внимание, что кроме обложения торговли в пользу государственной казны, существовало еще и обложение ее в пользу отдельных феодалов, то становится ясным, что внутренняя торговля не находила тогда соответствующих условий для серьезного развития. Интересы торговли требовали отмены всей экономической системы, но эта последняя составляла неотъемлемую часть всего общественно-политического строя Франции, так как беспощадное обложение торговли было неизбежным результатом налоговых привилегий паразитических классов, и изменение экономической политики Франции могло произойти лишь в результате полной перемены ее политической и социальной организации, т.-е. революции.

Особенно страдала от постоянного государственного вмешательства торговля хлебом.

Законодательство XVIII века по хлебной торговле—непосредственный результат низкой сельско-хозяйственной тех-

ники и постоянных неурожаев. При невозможности увеличить размеры производства сельско-хозяйственных продуктов не оставалось ничего другого, как прибегнуть к нормировке их распределения. И действительно, в течение всего XVIII века во Франции издается много законов, нормирующих хлебную торговлю. Законы эти зачастую решительно противоречат один другому и издаются по самым различным соображениям.

Основной вопрос, который предстояло решить законодателю, заключался в следующем: раз хлеба на всех хватить не может, то ясно, что кто-то должен голодать. Кто же именно: население сельское или городское?

Разрешить этот вопрос было далеко не просто, ибо правительству приходилось считаться при этом с целым рядом соображений, иногда между собой совершенно непримиримых. Рассмотрим главнейшие из них.

Экономическая политика Франции в XVII и в первой (а отчасти и во второй) половине XVIII века руководствовалась, как известно, идеей меркантилизма и проводила в жизнь в интересах промышленности крайний протекционизм. Покровительство национальной промышленности должно было иметь своим результатом стремление французского правительства дать промышленникам дешевые рабочие руки, дешевый хлеб, а отсюда вытекало то, что в борьбе за хлеб городского и сельского населения правительство неизбежно должно было стать на сторону первого. Если, таким образом, экономические соображения заставляли правительство жертвовать интересами сельского производителя ради защиты интересов городского потребителя, то к тому же самому толкали его соображения политические. Опыт многих десятилетий показывал, что результатом голода всегда являются восстания, а восстания разбросанных по всей стране крестьян были для правительства гораздо менее опасными, чем восстания крупных городских центров. Крестьянские восстания могли быть легко подавлены, а голодные восстания в городах и особенно в Париже, опасные сами по себе, всегда могли быть использованы в своих интересах недовольными элементами из среды правящих классов (что неоднократно и происходило) и грозили уже самому существованию режима.

А голодные восстания происходили в то время очень часто. Если в настоящее время ясно, что хронический недо-

статок хлеба в тогдашней Франции являлся естественным результатом целого ряда социальных факторов, то французам XVIII века, наоборот, казалось, что не только голод, но всякое, хотя бы и небольшое поднятие хлебных цен, есть результат чьих-то злонамеренных манипуляций. В частности, причину поднятия цен на хлеб приписывали стремлению торговцев нажиться на счет народного бедствия. Убеждение в злонамеренности купцов, отождествление их с кровопийцами и вампирами, именование их барышниками, спекулянтами составляет одну из характернейших черт XVIII века. Интересно, что это убеждение существовало не только в народных низах, но и среди интеллигенции. «Обилие хлеба мало значит, если жадность может полагать препоны его движению», заявляет Руанский парламент в своем постановлении 15 апреля 1768 г., и заявление это прекрасно формулирует общее убеждение эпохи. А раз недостаток хлеба есть результат не естественных условий, а злонамеренных махинаций хлеботорговцев, то вполне понятно, что население требует от правительства борьбы с этими махинациями, и в случае отказа обвиняет правительство в соучастии в спекуляции купцов и, чтобы заставить его идти на уступки, прибегает к восстанию. Об организованном правительством «обществе голодовки» (pacte de famine) сейчас отметим только, что такая легенда не могла бы, конечно, возникнуть без наличности во французском народе только что описанных взглядов на причины недостатка хлеба. При таких условиях дореволюционное правительство Франции должно было жертвовать интересами земледельцев ради интересов потребителей как из экономических, так и из политических соображений. Но фискальные интересы заставляли правительство действовать в обратном направлении.

Эксплуатируя крестьянина в податном отношении, государство было заинтересовано в том, чтобы он имел средства, необходимые для уплаты взимаемых с него налогов. А для этого цена на хлеб, который производил этот крестьянин, не должна была быть слишком низкой—иначе в руках у него не оказалось бы фонда, необходимого для уплаты налогов. Таким образом, соображения фискального характера становились в противоречие с соображениями промышленной политики и политическими и требовали защиты интересов сельского производителя за счет интересов городского потребителя.

В XVIII век Франция вступает с законодательством, направленным в сторону односторонней защиты интересов городского потребителя при полном игнорировании интересов сельского производителя. Первая задача в этой области заключалась в том, чтобы снабдить рынок достаточным количеством хлеба. Для этого следовало принудить земледельца продавать производимый им хлеб, запрещая ему держать его у себя свыше определенного времени. Согласно королевского ординанса от 21 ноября 1577 г., «запрещается фермерам (под фермером здесь подразумевается земледелец) держать у себя и хранить хлеб более двух лет, за исключением того количества, которое необходимо для продовольствия дома». Но это правило было не безусловным, и в случае нужды местные власти могли заставить земледельца продать хлеб и ранее указанного срока. К началу XVII века правило о двухлетнем сроке было забыто, и в это время не существовало никакого законного срока, в течение которого земледелец имел право хранить у себя свой хлеб. Для проверки имевшихся у крестьян хлебных запасов существовали особые комиссары (институт этот, впрочем, не являлся постоянным, и комиссары назначались лишь в очень голодные годы), при чем за дачу ложных показаний виновные земледельцы подвергались строгим наказаниям.

Но мало было озаботиться, чтобы весь собранный хлеб поступил в продажу: следовало еще обеспечить достаточно низкие цены на него. С этой целью издается целый ряд постановлений, регулирующих до мельчайших подробностей хлебную торговлю и направленных как против земледельца-производителя, так и против купца-посредника.

Главнейшим постановлением против земледельца было запрещение продажи хлеба вне рынка. Продажа на дому, избавлявшая продавца от всякого контроля, представляла слишком большой соблазн для жадности, и только продажа хлеба на рынке, где продавец находился под контролем рыночных чиновников, могла обеспечить низкие цены. Целый ряд в разное время изданных законов подтверждает это запрещение, являющееся одним из основных пунктов всего хлебного законодательства XVIII века.

Запретив земледельцу продажу хлеба вне рынка, закон старается заставить его продать товар как можно дешевле. С этой целью:

1) Продажа хлеба на рынке разрешается лишь самому земледельцу или членам его семьи, но ни в коем случае не наемным лицам.

2) Хлеб, привезенный в город и не проданный в течение двух базаров, должен был быть обязательно продан на третьем по любой цене. Обратный вывоз хлеба или ссыпка его в городе были запрещены.

3) Раз назначенная продавцом за товар цена не могла уже быть им повышена, хотя бы другие продавцы продавали по более высоким ценам. То же самое относилось к раз пониженной цене.

Для надзора за исполнением всех этих правил требовалось много чиновников, и содержание их падало на тех же земледельцев, плативших целый ряд рыночных пошлин, которые, впрочем, носили также и фискальный характер.

На ряду со всеми этими мерами, направленными против земледельцев-производителей, законодательство регулировало также строжайшим образом положение посредников — купцов. Прежде всего, на право торговли хлебом требовалось специальное разрешение властей, которое не давалось лицам, положение которых облегчало им спекуляцию. Такими считали чиновников, лиц, занятых в финансовой администрации, мельников и других. Из опасения спекуляции, хлеботорговцам не разрешалось составлять между собой товарищества, а для того, чтобы они большими закупками не вызывали поднятия цен, закон разрешал купцам покупать на каждом базаре лишь небольшое количество хлеба. Впрочем, количество это было точно определено лишь для Парижа, по отношению к другим городам говорилось лишь неопределенно о запрещении «скупки». А для того, чтобы купцы не обходили этого постановления, закупая хлеб на соседних рынках, купцам и булочникам совершенно запрещалась покупка хлеба на рынках, расположенных в полосе двух лье вокруг города.

Кроме этих мероприятий, направленных к предупреждению дороговизны в стране, законодательство особенно старалось, уже из политических соображений, обеспечить дешевизну хлеба в Париже. С этой целью законодательство ставило парижских хлеботорговцев и привилегированное положение, разрешая им покупку хлеба по всей стране, вне рынков и без соблюдения правил о полосе в два лье вокруг городов. Единственным исключением было запрещение хлебо-

торговцам скупать хлеб в полосе в 10 лье вокруг Парижа, но цель этого запрещения заключалась именно в облегчении для парижского потребителя возможности самостоятельных покупок. К этой же цели было направлено и запрещение вывозить куда бы то ни было хлебные запасы, попавшие, хотя бы и случайно, транзитом, в указанную полосу¹⁾.

Что же касается внешней торговли, то законодательство, исходя из той же охраны интересов потребителей, неизменно разрешало ввоз хлеба во Францию, лишь иногда облагая его невысокой пошлиной, и, как общее правило, запрещало какой бы то ни было экспорт хлеба за границу. Лишь в очень урожайные годы, когда цены были очень низкие, правительство в интересах своевременной и полной уплаты земледельцами налогов разрешало вывоз хлеба за границу в целях необходимого повышения цен, но эти разрешения всегда давались лишь на короткий срок и вскоре отменялись.

Однако, необходимо заметить, что в обыкновенное время, когда размеры неурожая не были столь велики, хлебные законы совсем не исполнялись или исполнялись плохо. Сложная система регламентации хлебной торговли, требовавшая внимательнейшего надзора за громадным количеством лиц, занимавшихся производством и продажей хлеба, могла проводиться в жизнь, лишь когда само население приходило на помощь правительству. Между тем в нормальное время, когда голода не было, население не было заинтересовано в исполнении хлебных законов, а чиновники одни не могли, да и вряд ли особенно стремились, уследить за тем, чтобы хлебное законодательство не нарушалось. Поэтому фактически хлебная торговля была почти свободная, и на ряду с запрещением экспорта хлеба значительные количества хлеба вывозились за границу контрабандным путем.

Иначе обстояло дело в годы неурожая. Голодное население не только помогало правительству в борьбе за удешевление хлеба, но требовало от него сугубой строгости в применении существующего законодательства, и испуганные и подгоняемые центром чиновники начинали не по разуму усердствовать, часто превышая предоставленные им законом

¹⁾ Впрочем, ограничение передвижения хлеба внутри страны было действительно не только для Парижа; существовавшее в то время разделение страны внутренними таможнями ставило весьма существенные преграды циркуляции хлеба между провинциями.

полномочия и реквизируя, например, хлеб не по рыночной, а по установленной ими самими цене, что противоречило смыслу закона.

Какие же результаты давало в этих случаях применение мер по борьбе с поднятием цен на хлеб? Недостаток хлеба являлся результатом низкого уровня его *производства*, и никакая регламентация *распределения* не могла устранить этой основной причины голода. Во всяком случае интересно, что среди самого правительства уже в самом начале XVIII века встречались, хотя и в виде исключения, люди, твердо убежденные в полной непригодности принимаемых мер. Так, напр., во время сильнейшего голода 1709 г., когда были приняты особенно строгие меры против хлебной спекуляции и за контрабандный вывоз хлеба за границу была назначена смертная казнь, интендант Жанодока Бавилль писал генерал-контролеру финансов: «Я с сожалением даю приказание открывать склады, везти хлеб на рынки и опеределить количество наличного хлеба. Я говорю «с сожалением» потому, что убежден, что всякое принуждение в таких случаях увеличивает зло и страх». Убеждение Бавилля разделялись далеко не всеми, но все же можно с уверенностью сказать, что если правительство всеми мерами заботилось о выполнении рассмотренных нами законов о хлебной торговле, то делало оно это не столько вследствие собственного убеждения в спасительности этих мер, сколько по соображениям политическим. Население Франции в своей массе не сознавало, что голод есть результат существующего строя, было твердо убеждено в том, что повышение цен на хлеб вызывается спекуляцией хлеботорговцев, и требовало от правительства борьбы с этими последними. Правительство не могло не видеть, что стеснение хлебной торговли не помогает, а наоборот, в большинстве случаев лишь ухудшает положение вещей, но оно боялось голодных бунтов и исполняло все, что от него требовало население. Это был заколдованный круг, выхода из которого не было.

Такое положение вещей продолжалось в течение всей первой половины XVIII века, и некоторый поворот в государственной политике по изучаемому нами вопросу обнаруживается лишь в начале 60-х годов, да и то ненадолго. Разорительная для Франции Семилетняя война (1756—1763), совершенно расстроившая французские финансы, поставила перед правительством вопрос об изыскании способов увеличения

налогового бремени, и без того совершенно непосильного для населения. Не желая изменять основ своей финансовой политики, основным принципом которой было изъятие высших сословий от уплаты налогов, правительство было вынуждено позаботиться об увеличении доходов крестьянства, как необходимом условии для усиления его обложения. Изменение продовольственной политики становилось настоятельной задачей, от односторонней охраны интересов потребителей следовало перейти к защите интересов производителей. Декларация 25 мая 1763 года разрешила заниматься хлебной торговлей всем желающим — «без всяких формальностей и по своему усмотрению покупать и продавать хлеб и складывать в магазинах», и были устранены ограничения при перевозке хлеба из одной провинции в другую, а эдикт 1764 года разрешил вывоз за границу всякого хлеба и муки. Впрочем, вывоз этот разрешался лишь из некоторых портов и только на французских кораблях, при чем, в случае если бы в каком-либо из пограничных пунктов цена хлеба достигла определенного, указанного в законе, уровня, местные власти получали право приостановить вывоз хлеба, который мог быть вновь разрешен лишь постановлением центрального правительства. Что же касается ввоза хлеба, то в связи с общим духом новой политики, таковой был ограничен установлением покровительственных пошлин. Новое законодательство, исходя из нужд фискальной политики, не забыло, однако, политических соображений, определяющих характер старого законодательства. Именно этим объясняется, что наряду с только что отмеченным ограничением вывоза были оставлены в силе все регламенты, обеспечивавшие снабжение Парижа, спокойствием коего правительство всегда особенно дорожило.

Законы 1763—4 г.г. были изданы в пору благоприятного продовольственного положения и первоначально не встретили сопротивления. Но в конце 60-х годов было несколько неурожаев, начался голод. Население, видя по обыкновению причину бедствия в спекуляции хлеботорговцев, стало волноваться, и почти по всей Франции прокатилась волна голодных беспорядков, выразившихся в разгроме хлебных складов и нападениях на хлеботорговцев. Правительство, опасаясь за спокойствие Парижа, сочло нужным взять дело его снабжения в свои руки и через посредство доверенных лиц стало принимать участие в хлебной торговле, конкурируя с част-

ными хлеботорговцами. Но если правительством руководили при этом лишь соображения политического характера, то его агенты поспешили воспользоваться правительственным вмешательством для своего обогащения, и их махинации лишь ухудшили положение, вызвав в народе толки о том, что правительство и даже сам Людовик XV стремятся к усилению народного голода. Таково происхождение знаменитой легенды о существовании правительственного «голодного заговора» (*pacte de famine*),—легенды, пользовавшейся большой популярностью в начале революции.

Неудачные мероприятия правительства послужили лишь к усилению народного недовольства: в печати и обществе поднялись требования перемены продовольственной политики, и ряд парламентов обратились к правительству с соответствующими заявлениями. Правительство было вынуждено уступить. Постановлением 14 июня 1770 г. вывоз хлеба за границу, почти всюду еще до того приостановленный распоряжениями местных властей, был окончательно запрещен, а законом 1770 г. генерал-контролер финансов аббат Террэ и в области внутренней торговли восстановил в общих чертах старое положение. То же самое относится и к ввозу хлеба—пошлины были не только уничтожены, но в особенно голодные периоды устанавливались даже ввозные премии.

ГЛАВА IV

Государственное хозяйство

Главным источником доходов французской казны были налоги, которые распались на налоги прямые и косвенные, и натуральные повинности.

Отказавшись еще в первой половине XVII века от непосредственного вмешательства в политические дела и передав попечение о своих интересах в руки самодержавного королевского правительства, высший класс Франции вознаграждал себя за этот отказ сохранением крупных экономических привилегий и одной из важнейших в их ряду была привилегия налоговая. Привилегия эта распространялась не только на самих дворян и духовных, но и на их служащих, а иногда даже и на арендаторов. Кроме того, привилегию можно было купить и за деньги путем приобретения той

или иной дающей права дворянства должности, чем широко пользовались разбогатевшие представители третьего сословия. Французское правительство, постоянно нуждаясь в деньгах, находило выгодным для себя предвзятые ежегодные налоговые поступления получением единовременного крупного взноса. Известный физиократ Люпон-де-Немур так характеризует эту черту в налоговой политике французского правительства: «Трудно поверить, что достаточно было быть богатым, чтобы стать дворянином, и достаточно было быть дворянином, чтобы прекратить уплату налогов: так что есть один только способ избежать обложения—разбогатеть».

Впрочем, крайняя потребность в деньгах заставляла французское правительство сплошь и рядом отступать от основного принципа своей налоговой политики. Так, напр., введенная в 1695 г. новая подать — *capitation* — падала не только на третье сословие, но и на духовенство и дворянство, так же как и введенная позднее двадцатина. Но эти попытки обложения привилегированных сословий встречали с их стороны сильнейшее сопротивление, и уже к 1710 г. духовенству удалось выкупить обе названные подати, заменив их значительно меньшим добровольным приношением. Не так повезло дворянству—король сперва было согласился на выкуп и даже принял часть выкупной суммы, но затем взял свое согласие обратно, не вернув, конечно, и полученного залатка. Однако сохранение в силе обязанности дворян уплачивать *capitation* и двадцатину мало затрагивало их интересы. Только этим и можно объяснить, что они так легко отказались от дальнейшей борьбы. Взимание с дворян этих налогов было возложено, конечно, не на обычных сборщиков податей из разночинцев, а на высших чиновников провинциальной администрации — интендантов. Эти последние, будучи сами дворянами, не считали нужным особенно настаивать на уплате дворянами причитавшихся с них сумм, и Неккер мог в 1777 году с полным основанием утверждать, что «его величество заметил, что наиболее бедный класс его подданных оказался наиболее исправным плательщиком двадцатины».

Основным и вместе с тем наиболее старым из всех прямых налогов, падавшим исключительно на третье сословие и, главным образом, на крестьянство, была так называемая

талья (*taille*). В восьми провинциях, где еще продолжали существовать провинциальные штаты (так назыв. *pays d'État*), талья была реальным налогом, падавшим на недвижимость; в остальных же частях Франции (*pays d'élection*) она носила личный характер и падала на весь валовой доход плательщиков. Ежегодно центральное правительство раскладывало между отдельными провинциями общую сумму, которую предстояло получить в данном году; в провинциях сбором тальи заведывал главный приемщик податей, получавший в качестве гонорара 9% со всего сбора, а на местах распределение и сбор налога находились в руках выборных сборщиков податей, отвечавших своим имуществом за правильное поступление налога.

Раскладка тальи между жителями каждой деревни производилась на основании не каких-либо точных признаков, а лишь по общему впечатлению о состоятельности того или иного плательщика. При этом могли иметь место самые крупные злоупотребления со стороны сборщика податей. Крестьяне, боясь тальи, старались казаться как можно более бедными, всячески скрывали свое имущество и избегали вводить улучшения в своем хозяйстве, опасаясь, что это вызовет увеличение падающей на их долю части налога. С другой стороны, сборщики податей, отвечая своим имуществом за правильное поступление налога, стремились больше всего облагать наиболее аккуратных плательщиков, а это создавало лишь новый стимул к уклонению от своевременного платежа. В виду всего этого взимание тальи являлось чрезвычайно трудным, а издержки по сбору делали талью не только чрезвычайно обременительной для населения, но и мало доходной для казны.

Вторым прямым налогом была уже упоминавшаяся нами подушная подать (*capitation*), введенная в 1695 году. При установлении этого налога все население, включая и привилегированные сословия, было разделено на 22 группы с особым для каждой размером налога; затем *capitation* была уничтожена, но вскоре опять восстановлена, при чем стала на этот раз взиматься лишь в зависимости от доходов плательщиков. Благодаря этому, подушная подать, по крайней мере, в отношении недворян—приобрела характер налога, бывшего как бы дополнением тальи, и с 1761 г. для нее был установлен общий с тальей список.

Третьим прямым налогом была упоминавшаяся «двадцатина» (*vingtième*), образовавшаяся из существовавшей до нее, с начала XVIII века, «десятины» (*dixième*), при чем размеры этого налога зачастую превышали его название и составляли иногда и три двадцатых дохода. В конечном итоге крестьянин иногда должен был уплачивать в пользу государства свыше 50% своего дохода, а чрезвычайно высокие издержки обложения приводили к тому, что в 70-х г.г. XVIII века из взимаемых с населения около 156 миллионов ливров до казны доходило лишь около 104 миллионов.

Но еще менее выгодным был способ взимания косвенных налогов, даваемых на откуп. Откупщики вносили вперед сумму во много раз меньше той, которую они затем получали с населения. Так, напр., из поступивших откупщикам в 1773 году по так называемому главному откупу 132 миллионов ливров, государство получило лишь около 50 миллионов. При этом косвенные налоги, мало выгодные для казны, были чрезвычайно обременительны для населения, так как откупщики не стеснялись при сборании налогов и зачастую в буквальном смысле грабили население. Но нужда правительства в деньгах была так велика, что оно всячески стремилось увеличивать и это сравнительно мало-выгодное обложение. и косвенные налоги. в 1715 году дававшие около 97 миллионов ливров, в 1773 году приносили уже около 192 миллионов.

Наиболее тяжелым для населения и в особенности для крестьян из косвенных налогов была соляная пошлина, так назыв. «*gabelle*». Размеры этой пошлины были разные для различных частей Франции и иногда доходили до 12-кратной стоимости товара. При этом существовал особый минимум потребления соли, меньше которого никто не имел права покупать, и минимум этот относился только к соли, употребляемой для приготовления еды, а не для солки или корма скота. *Gabelle*, чрезвычайно обременительная для населения, давала казне довольно большие доходы (в 70-х годах около 46 миллионов ливров), и неудивительно, что правительство, охраняя соляную монополию, не только боролось самыми суровыми мерами с контрабандой, но и решительно препятствовало населению пользоваться даровой солью, отлагающейся в некоторых местностях на берегу моря.

Вторым налогом на потребление был акциз на напитки, так наз. *aides*. Акциз этот был столь разорительный, а взимание его сопровождалось столь многими насилиями и притеснениями, что многие виноделы предпочитали совершенно прекращать свое производство, чем иметь дело с акцизными чиновниками. В 60-х г.г. *aides* давали казне свыше 35 миллионов ливров ежегодно.

На ряду с этими двумя налогами существовал еще целый ряд других налогов на потребление; было обложено буквально все, что только можно было обложить. Тяжесть и этих налогов ложилась главным образом на крестьянство. Был один вид косвенных налогов, чрезвычайно обременительный и для буржуазии. Это таможенные пошлины, при чем нужно иметь в виду, что взимались они не только при перевозке товаров через границу государства, но и при передвижении их *внутри страны*.

Французское королевство, в том виде, как мы его застаем в конце XVIII века, составилось в результате постепенного объединения целого ряда некогда самостоятельных территорий. В эпоху своей бывшей самостоятельности части эти отделялись одна от другой таможенной стеной, которую французское правительство оставляло в неприкосновенности и после включения их в состав единого французского государства. Эти межобластные таможни предоставляли возможность пользоваться очень удобным способом для выжимания соков из торговли.

Чрезвычайно удобная для взимания податей, эта система должна была служить совершенно непреодолимым препятствием для развития внутренней торговли, ибо сплошь и рядом случалось, что товары, перевозившиеся из одной части Франции в другую, должны были по несколько раз облагаться пошлинами. А если прибавить к этому, что на ряду с таможенными пошлинами, взимаемыми в пользу государства, существовал целый ряд пошлин, взимаемых в интересах отдельных феодалов, через владения которых проходили торговые пути, то не может вызвать удивления, что перевозка вина из одной части Франции в другую обходилась дороже, чем в Китай, и цена его возросла при этом в двадцать раз.

Третий вид обложения составляли натуральные повинности. Главнейшими из них были: дорожная повинность, так на-

зывается *сoгvée*, т.-е. обязанность сельского населения бесплатно работать по сооружению и исправлению дорог, на каковую работу крестьяне должны были терять 12—15 дней в самое горячее по полевым работам время; затем повинности постоянной и перевозочная, т.-е. обязанность населения предоставлять помещения и перевозочные средства для воинских частей. Привилегированные сословия от этих повинностей были избавлены, а так как они по своему существу (кроме разве постоянной повинности) касались не городов, а лишь сельских местностей, то натуральные повинности, так же как и прямые и значительная часть косвенных налогов, всей своей тяжестью падали опять-таки на крестьян.

Какие же средства получала государственная казна от описанной налоговой системы?

Отличительную черту французского государственного бюджета XVIII века составляло постоянное превышение расходов над доходами. Так, напр., в 1774 г. на 276 миллионов ливров дохода приходилось 325 мил. расхода. Причиной этого дефицитного бюджета были дорого стоящие войны и многочисленные непроизводительные расходы, как, напр. содержание королевского двора, подачки придворным и др., поглощавшие иногда до третьей части расходного бюджета. Так, напр., в 1774 г. на войско, флот, колонии и внешнее представительство было израсходовано 125 мил. ливров, а на двор 42 мил. Каким же образом правительство пополняло этот дефицит?

Излюбленным способом разрешения этого вопроса было не уменьшение расходов, а увеличение доходов, а простейшим средством—усиление налогового бремени. Однако это средство уже очень скоро оказалось исчерпанным—классы производительные были обложены до отказа, а обложение дворянства и духовенства не входило в намерения правительства. Пришлось еще прибегнуть к другим испытанным средствам—порче монеты и банкротствам, к которым правительство Людовика XV за время его царствования прибегало пять раз. Но и эти средства можно было применять лишь изредка, и приходилось додумываться до чего-нибудь нового. Такой попыткой и была бумажно-денежная система Джона Лоу, сама по себе целесообразная, но вследствие неумения правитель-

ства во-время остановиться повлекшая за собой финансовую катастрофу. Оставалось обратиться к более скромным средствам—забиранию вперед от откупщиков государственных доходов на будущие годы, иногда на целых десять лет вперед, неаккуратному уплачиванию государственных долгов и главным образом к займам, сделавшимся во второй половине XVIII века едва ли не главным средством покрытия дефицита. Займы эти приходилось совершать на очень невыгодных для государства условиях, так как постоянные банкротства совершенно подрывали доверие к государственной платежеспособности, но обилие в стране не находивших себе применения капиталов все же позволяло правительству всегда находить людей, согласных дать ему займы. Вот почему цифра государственной задолженности все росла, и к 1774 г. одни лишь текущие долги государства составляли больше 250 миллионов ливров. Но при постоянном росте непроизводительных расходов и полном нежелании правительства бороться с этим явлением, даже и займы не могли полностью удовлетворить нужду в деньгах. Ко времени вступления на престол Людовика XVI вопрос о том или ином способе покрытия дефицита становится основным и главным вопросом порядка дня.

ГЛАВА V

«Физиократы»

Мы видели выше, каким образом процесс развития торгового капитализма, столь характерный для XVIII века, затронул также и Францию и привел к образованию там мощнейшей и экономически влиятельной торговой буржуазии, выросшей на почве широкого распространения торговых сношений Франции с заморскими странами. Не меньшее значение в этом отношении имела и откупная система. На долю откупщиков доставалась весьма значительная часть взимаемых с населения налогов, и откупа считались выгоднейшими финансовыми операциями. В виду этих выгод в откупах старались принять участие все, владевшие достаточными оборотными средствами, а менее состоятельные капиталисты зачастую составляли компании для совместного выступления в качестве откупщиков.—Откупщики полу-

чали громадные прибыли. Примером может служить хотя бы брат бабушки знаменитой писательницы Жорж Занд — Дюпэн де-Френкейл, получавший до 600 000 ливров ежегодного дохода.

Уже к середине XVIII века первоначальное накопление во Франции зашло весьма далеко, и там скопились значительные денежные капиталы. Но существовавший в стране экономический и политический строй не мог им предоставить достаточно широкое поле деятельности. Правда, существовали государственные займы, приобретающие с каждым годом все большее и большее значение. и к началу революции, т. е. к 1789 г., французский государственный долг равнялся $4\frac{1}{4}$ миллиардам ливров. Но все эти займы, с одной стороны, не могли удовлетворить всех искавших приложения капиталов, а с другой стороны, столь характерные для XVIII века государственные банкротства не могли не удерживать капиталистов от участия в государственных займах и направлять их взоры на другие сферы деятельности. И жадно устремленным глазам французских капиталистов неизбежно должен был представляться заманчивый образ Англии с ее уже складывавшимися к этому времени капиталистическим земледелием и капиталистической промышленностью, и в их умах должна была зарождаться мысль о том, как хорошо было бы создать нечто подобное и у себя дома, во Франции... На этой почве и зародилась школа физиократов.

Физиократы были идеологами крупного торгового капитала, не находившего себе достаточного применения во Франции середины XVIII века и мечтавшего о своем внедрении в сельское хозяйство и промышленность.

Основным моментом учения физиократов было положение, что земля — единственный источник дохода, и поэтому единственный производительный вид труда — труд земледельческий. Отсюда физиократы выводили требование покровительства развитию интенсивного сельского хозяйства, при чем особенно важно отметить, что это крупное интенсивное хозяйство физиократы мыслили *в форме хозяйства не помещичьего, а арендного, фермерского, т. е. капиталистического*. Будучи сторонниками единого налога, падающего исключительно на землевладельца, они в сущности хотели сохранить существовавшее в это время налоговое неравенство, переложив лишь его бремя с третьего сословия

на дворянство и духовенство. Их идеалом было создание во Франции таких условий, при которых стало бы возможным развитие крупного капиталистического сельского хозяйства, при чем все налоговое бремя оказалось бы переложенным на дворян-землевладельцев, а буржуа-капиталисты нашли бы себе широкое поле деятельности в качестве арендаторов помещичьей земли.

Но торговый капитал XVIII века стремился внедриться не только в земледелие, но и в промышленность; физиократы требовали не только отмены всех стеснений в области торговли и земледелия, но равным образом и уничтожения цеховой системы, бывшей главным препятствием на пути развития капиталистической промышленности. Мы таким образом видим, что все требования физиократов вполне совпадали с положениями представителей крупного торгового капитала, вследствие чего есть полное основание рассматривать физиократическое учение, как идеологию крупного торгового капитала, не находящего себе достаточного приложения и стремящегося превратиться в капитал земельный и промышленный.

Но почему же в таком случае физиократическая школа, зародившаяся в 50-х годах XVIII века (ее полный расцвет относится к 60-м годам), имела лишь сравнительно небольшое распространение, а сделанная в 70-х годах Тюрго попытка осуществления на практике физиократических принципов окончилась полным провалом?

С одной стороны, причина неудачи физиократов заключается в том, что представляемый ими крупный торговый капитал имел в середине XVIII века еще недостаточно широкое распространение. Как ни значительны сами по себе были крупные капиталы, накопленные на почве внешней торговли и откупной системы, но количество владельцев этих капиталов все же было слишком незначительным по сравнению с громадным числом представителей средней и мелкой буржуазии. Эти последние, стремившиеся лишь к освобождению торговли и промыслов от сковывавших их в то время пут, не могли понять устремлений представителей крупного капитала в области сельского хозяйства, а более чем умеренные политические идеалы физиократов (чрезвычайно характерные для представителей крупного капитала, боящихся всяких политических потрясений) отталкивали от них ра-

дикально настроенную мелкую и среднюю буржуазию. Вот почему учение физиократов не могло получить значительного распространения в широких кругах буржуазии, а попытка осуществления физиократических идеалов неизбежно должна была окончиться неудачей, ибо не имела за собой поддержки сколько-нибудь многочисленных сочувственно настроенных кругов.

Мысль физиократов о создании во Франции капиталистического сельского хозяйства по английскому образцу была совершенно утопичной, так как решительно не считалась с историческим ходом развития французского земледелия, приведшим к господству мелкого крестьянского хозяйства.

Кроме того, несмотря на то, что выше очерченные объективные условия четко диктовали переход к новым условиям жизни, что старый порядок совершенно исчерпал себя и что, таким образом, объективные условия как будто оправдывали реформаторские идеи физиократов и должны были бы служить достаточным и законным основанием для них, налицо не было субъективных предпосылок для резких перемен, не было объединяющего национального настроения в пользу этих перемен.

Если представители крупного капитала уже в 50-ые годы осознали необходимость изменения социально-экономических основ старого режима Франции, то мелкая и средняя буржуазия, а в особенности крестьяне и городские рабочие, бывшие впоследствии главной двигательной силой революции, в середине XVIII века еще не были и не могли быть достаточно революционно настроенными. Лишь финансовый кризис 80-х г.г., грозивший непосредственной опасностью банкротства, с одной стороны, и крайнее обнищание рабочих и крестьянских масс, характеризующее последнее десятилетие старого порядка—с другой стороны,—лишь эти обстоятельства могли вызвать острое революционное настроение конца 80-х годов и тем самым создать благоприятную обстановку для революционного пожара. А без этих объединяющих широкие слои населения факторов учение физиократов и попытка Тюрго могли быть лишь тем, чем они и оказались в действительности,— мало-влиятельной доктриной нескольких писателей-теоретиков и неудачной попыткой одиночки-чудака.

Таким образом физиократическая доктрина и практика являются не чем иным, как преждевременной попыткой достижения значительной части того, что было впоследствии осуществлено Французской Революцией. Вот почему изучение великого революционного кризиса конца XVIII века невозможно без изучения его пролога, главным действующим лицом которого был Тюрго

Серия «Биографическая библиотека»
Москва: Государственное издательство. 1919. 78 с.

Веб-публикация:
библиотека *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2009
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

ГЛАВА I

Молодые годы Тюрго. Служба в парламенте

Тюрго (его полное имя Ан-Роберт-Жак Тюрго, маркиз де-Лён (Anne-Robert-Jacques Turgot, Marquis de l'Aulne) родился в Париже 10 мая 1727 года. Как указывает его титул маркиза, Тюрго происходил из старой дворянской семьи, а отец его был крупным чиновником и в частности в течение долгого времени занимал должность парижского купеческого старшины (prevôt des marchands), т.е. городского головы. Будучи младшим из трех сыновей, Тюрго, согласно обычаю дворянских семей того времени, должен был делать духовную карьеру, и его родителям казалось, что необычайно застенчивый характер мальчика, делающий его мало пригодным для светской жизни, вполне соответствует этому предназначению. Вследствие этого Тюрго, по окончании коллегии Людовика Великого и дю-Плесси, поступил в семинарий Сен-Сюльпис (Saint-Sulpice), который должен был подготовить его к занятиям на богословском факультете Сорбонны.

Во времени пребывания Тюрго в семинарии относится его первое литературное произведение, посвященное экономическим письмом — письмо от 7 апреля 1749 г. к своему товарищу аббату Сисе о бумажно-денежном обращении, дошедшее до нас лишь в виде отрывков. В этом письме 22-летний семинарист, оспаривая широко распространенную в то время государственную теорию денег, высказывает в противоположность ей мысль о том, что деньгами могут быть лишь предметы, имеющие самостоятельную ценность, — мысль, более подробно развитую в его более поздних работах.

Письмо о бумажных деньгах с несомненностью указывает на хорошее знакомство Тюрго с основами современной

ему экономической науки; тем интереснее отметить, что, на ряду с занятиями политической экономией, Тюрго посвящал в эти годы много времени изучению естественных наук.

В том же 1749 г. Тюрго поступает в высшее теологическое учебное заведение—Сорбонну, где он, уже через несколько месяцев после поступления, был избран на почетную должность приора богословского факультета. Занимавший эту должность студент должен был произносить в начале и конце учебного года речь на латинском языке. Именно этим обстоятельством и были вызваны речи Тюрго от 11 июля 1750 г. «О выгодах, доставленных человечеству христианской религией» и от 11 декабря 1750 г. «О постепенном прогрессе человеческого разума». Не касаясь здесь подробно содержания этих речей, отметим только, что как из этих выступлений Тюрго, так и из написанных им в это же время набросков трактата по политической географии и рассуждений о всеобщей истории с несомненностью явствует рационалистический склад ума молодого богослова, едва ли совместимый с подлинным религиозным чувством. Поэтому принятое Тюрго по окончании им в начале 1751 г. Сорбонны неожиданное, на первый взгляд, решение отказаться от духовной карьеры не может вызывать особого удивления, а рассказ друга и первого биографа Тюрго, Дюппон-де-Немура, о том, что он мотивировал это решение нежеланием носить всю жизнь маску религиозности, не содержит в себе, как это склонны утверждать некоторые биографы Тюрго, чего-либо невероятного. Но как ни объяснять отказ Тюрго от духовной карьеры, факт тот, что решение об этом было принято им окончательно, и с начала 1752 г. бывший богослов поступает на государственную службу и занимает должность чиновника парижского парламента.

Служба Тюрго в парижском парламенте продолжалась свыше девяти лет—с января 1752 по август 1761 года. Служебные занятия оставляли ему значительное количество свободного времени, и Тюрго пользовался им для того, чтобы поддерживать сношения с виднейшими представителями французской интеллигенции того времени. В салоне г-жи Жефрен он встречается с такими людьми, как д'Аламбер,

Кондорсе, Гельвеций, Гольбах, Мармонтель, Дидро и др.; его близким знакомым становится и Кинэ, глава школы физиократов, а другой представитель этой школы, интендант торговли Гурнэ делается ближайшим другом Тюрго. Мы видели выше, что еще во время своей ранней юности Тюрго чрезвычайно интересовался экономическими вопросами и общение с такими людьми, как Кинэ и Гурнэ, должно было содействовать усилению этого интереса.

Уже в 1753 г. Тюрго переводит «Вопросы по поводу торговли» известного английского экономиста Fosiass'a Tucker'a, а около 1756 г. он пишет для Энциклопедии статьи «Ярмарки и рынки» и «Вклады», в которых выступает вполне сложившимся последователем физиократической школы. Несколько позднее написана оставшаяся неоконченной статья «Ценность и деньги», повидимому, предназначавшаяся для «Справочника торговли» аббата Морелля. В первой из этих статей Тюрго решительно осуждает «злосчастный принцип, так долго проникавший торговое законодательство всех почти государств и заключающийся в мании всем управлять и все регламентировать, вместо того, чтобы предоставить людям руководиться их собственными интересами»; во второй он возражает против постоянной благотворительной помощи неимущим, которая, по его мнению, лишь ведет к развитию лени и попрошайничества, и высказывается за самостоятельные организации взаимопомощи. Но если в этих статьях физиократические взгляды Тюрго высказываются лишь по поводу отдельных частных случаев, то в написанном в 1759 году некрологе Гурнэ («Eloge de Gournay») мы имеем под видом анализа взглядов этого последнего как бы полное изложение физиократической доктрины. чрезвычайно важное для понимания взглядов не только Тюрго, но и всех физиократов вообще.

Однако служебные занятия и политико-экономические работы Тюрго не поглощали еще всего его времени, и на ряду с ними он отдается изучению самых разнообразных отраслей знания, включая естественные науки, литературу и языковедение. Он переводит на французский язык целый ряд классических писателей, пишет свои анонимные «Письма о веротерпимости» и посвященную тому же вопросу статью «Le Conciliateur», и на ряду с уже известными нам политико-экономическими статьями дает в «Энциклопедии» статьи

по языковедению («этимология»), философии («существование») и физике («расширяемость»).

На ряду с научными занятиями Тюрго в этот период своей жизни не брезгует и путешествиями. В 1755—1756 г.г. он сопровождает Гурнэ в его инспекторских раз'ездах по Франции, а после смерти последнего путешествует по юго-восточной Франции и даже отправляется в Швейцарию, где знакомится с Вольтером (1760). Последний сразу же должным образом оценил своего нового знакомого и в своем письме к д'Аламберу от 17 ноября 1760 г. всячески расхваливал его, сохранив это свое расположение и впоследствии. Между прочим в этом письме Вольтер со свойственным ему сарказмом заявляет, что «никогда не видел более любезного и образованного человека и притом обладающего, что является довольно редким среди наших метафизиков, очень изысканным и здоровым вкусом».

Из путешествия в Швейцарию Тюрго возвратился в начале 1761 года, а несколько месяцев спустя—8 августа того же года—он был назначен интендантом Лиможского генералитета. К этому времени ему было 34 года, и его социально-экономические взгляды окончательно сложились в духе физиократической доктрины

ГЛАВА II

Тюрго—интендант

Если во время своей службы в парижском парламенте Тюрго занимался главным образом вопросами экономической теории, то назначение его на должность интенданта (т.-е. высшего представителя местной администрации, нечто вроде российских губернаторов старого режима) открывало самые широкие перспективы в смысле возможности приложения на практике теоретических выводов, почерпнутых из знакомства с физиократической доктриной. В состав Лиможского генералитета входили области Лимузен и Ангувма, т.-е. местности, в которых преобладала мелкая крестьянская собственность и в которых, следовательно, остро чувствовались все недостатки налоговой политики старого режима. Стремление к коренному изменению этой политики составляло

один из основных пунктов учения физиократов. Поэтому Тюрго, попав на место своего нового служения, первым делом занялся вопросом о реформировании взимания основного налога—талли, и эта работа так увлекла его, что когда через год—в 1762 г.—ему было предложено гораздо более выгодное место интенданта в Лионе, то Тюрго отказался от него, мотивируя свой отказ нежеланием бросать начатую работу, на которую он потратил так много труда и времени.

Система раскладки талли, существовавшая в Лиможском генералитете ко времени приезда нового интенданта (так называемая тарифицированная талья, т.-е. нечто среднее между тальей личной и реальной—налогом подушным и поимущественным), находилась в состоянии полного хаоса. В одной части генералитета лет за двадцать до этого был произведен земельный кадастр (учет), на основании которого и делалась раскладка налога, при чем кадастр этот был произведен совершенно неудовлетворительно, и его данные настолько устарели, что раскладка налога между плательщиками имела, в сущности говоря, совершенно произвольный характер. В другой же части генералитета не существовало даже и таких данных, и здесь талья раскладывалась на основании совершенно устаревших показаний самих плательщиков об их состоятельности, при чем правительство, не доверяя этим показаниям, установило здесь более высокий уровень обложения, чем это имело место в первом случае. Первым делом Тюрго по его прибытии во вверенную ему область была попытка внесения хотя бы некоторого порядка в систему взимания талли, и с этой целью он добился от центрального правительства издания королевской декларации 30 декабря 1761 года, согласно коей налоговой администрации Лиможского генералитета вменялось в обязанность принимать во внимание при раскладке талли все изменения, происшедшие за последнее время в состоянии имуществ плательщиков. Однако применение этой декларации представляло много практических трудностей, и поэтому Тюрго считал нужным обратиться ко всем комиссарам по сбору талли Лиможского генералитета с циркулярным письмом, в котором раз'яснял им свои взгляды на отдельные подробности взимания талли

В цитированном уже письме от 10 августа 1762 г. к генеральному контролеру Бертену Тюрго, между прочим, пи-

сал. «Не скрою от Вас, милостивый государь, что если бы я знал раньше так, как я знаю это сейчас, тот беспорядок, который царит в системе так называемой тарифицированной талы, начиная с ее появления, и то количество труда, которое необходимо затратить не для улучшения этой системы на будущее время, а хотя бы для устранения теперешнего беспорядка—я едва ли решился бы взяться за работу».

Старания Тюрго облегчить условия взимания талы в его генералитете не ограничились мероприятиями, принятыми в первый год исполнения им обязанностей интенданта. В своих ежегодных отчетах о состоянии урожая, содержащих подробное описание экономического положения области в отчетном году, Тюрго постоянно просил центральное правительство об уменьшении причитающегося с генералитета размера талы и о различных льготах в ее взимании, и если ему далеко не всегда удавалось достигнуть желательных результатов, то все же очень часто хлопоты Тюрго значительно облегчали положение населения. Особенно интересен отчет 1766 года, в котором Тюрго (опять-таки в связи с просьбой об уменьшении налога) касается вопроса о преимуществе крупного фермерского хозяйства над мелким полоническим. Этот отчет составляет один из важнейших источников для определения взглядов Тюрго по этому вопросу, составляющему, как известно, один из краеугольных камней физиократической доктрины.

Если первым делом Тюрго по вступлении на должность было облегчение условий сбора талы, то в следующие годы он переходит к борьбе с другим бичом системы государственного хозяйства того времени—натуральными повинностями. Благодаря настояниям Тюрго перед центром, в Лиможском генералитете дорожная повинность и повинность по перевозке войск были переведены на деньги, а постоянная повинность была уничтожена, и для помещения войск стали строить казармы

Известна фраза Тэна о том, что положение французских крестьян XVIII века напоминает положение человека стоящего по горло в воде и рискующего захлебнуться от малейшего волнения на ее поверхности. Когда же вместо ничтожного волнения наступала буря, то риск превращался в неизбежность и столь обычные в до-революционной Фран-

неурожаи доводили и без того не сладкое положение крестьян до последних пределов нужды и отчаяния. Как раз этой именно неурожай имел место во всей Франции в 1769—1771 гг., и цена на хлеб в Лиможском генералитете в пять раз превысила обычную цену. Неурожай этот вызвал со стороны Тюрго целый ряд мероприятий для улучшения положения населения.

Но значительно интереснее, нежели все эти мероприятия чисто благотворительного характера, старания Тюрго содействовать сохранению свободы хлебной торговли. Законами 1763 и 1764 г. во Франции была устаревшая свобода внутренней и внешней хлебной торговли, и Тюрго, как физиократ и защитник интересов торговой буржуазии, а следовательно, сторонник свободы торговли не только хлебом, но и вообще, должен был всецело сочувствовать действовавшему законодательству. Между тем народ, издавна привыкший видеть во всяком голоде результат деятельности спекулянтов, с самого начала голода 1769—1771 гг. стал требовать ограничения свободы хлебной торговли, и местная администрация многих округов Франции, боясь голодных бунтов, пошла навстречу этому требованию. В частности Бордосский парламент издал 17 января 1770 г. постановление, обязывавшее всех производителей хлеба вести на рынки имевшиеся у них хлебные излишки сверх необходимого для прокормления их самих и их семей и запрещавшее производство хлебной торговли повсеместно, кроме рынков. Это вызвало вмешательство Тюрго, который обратился в Париж и добился издания постановления королевского совета 19 февраля 1770 г., отменявшего постановление Бордосского парламента и восстанавливавшего свободу торговли в Лимузене и Перигоре. Точно так же отнесся Тюрго к аналогичному постановлению начальника полиции города Ангулема от 30 марта 1770 г., которое было отменено не только его постановлением от 3 апреля, но и изданным по его ходатайству постановлением королевского совета 8 апреля. Таким же образом было отменено и постановление муниципальных чиновников города Тюрена, запрещавшее вывоз хлеба из пределов города.

Именно это стремление Тюрго обеспечить во что бы то ни стало свободу хлебной торговли и выразило его постановление от 1 марта 1770 г., направленное против голодных

беспорядков и грозившее преданием суду и тюремным заключением всем, препятствующим осуществлению этой свободы.

Однако, несмотря на энергию, с которой Тюрго отстаивал столь дорогой ему принцип, судьба вопроса о свободе хлебной торговли была уже решена назначением в конце 1770 г. министром финансов противника свободы торговли аббата Террэ и притом в нежелательном для Тюрго духе. Если сам Тюрго, как последовательный физиократ, готовился с оружием в руках встретить голодные беспорядки требовавших борьбы со спекулянтами народных масс, то центральное правительство, опасаясь голодных бунтов, готово было пожертвовать интересами торговой буржуазии. Постановлением 14 июня 1770 г. был запрещен еще до этого фактически приостановленный распоряжением местных властей вывоз хлеба за границу, а осенью того же года аббат Террэ обратился к интендантам с запросами об их взглядах на свободу хлебной торговли вообще. Ответом со стороны Тюрго явились его знаменитые «Письма о свободе хлебной торговли», представляющие пламенную защиту физиократических взглядов по данному вопросу. Но вся убежденность тогдашнего автора не могла повлиять на министра, решение которого было уже принято, и законом 23 декабря 1770 года была уничтожена и свобода внутренней хлебной торговли.

На ряду с вышеописанными работами административного характера Тюрго за время своего интендантства продолжал заниматься и литературной деятельностью. Если одна часть написанных им в это время произведений, как только что упомянутые «Письма о свободе хлебной торговли» и «Записка о денежных ссудах», написанная в 1769 г. в связи с имевшим место в городе Ангулеме судебным преследованием нескольких лиц по обвинению в ростовщичестве, непосредственно вытекала из его практической деятельности, то на ряду с этим Тюрго пишет и свои «Размышления о накоплении и распределении богатств», представляющие чисто научный трактат. «Размышления» эти впервые появились в 1766 г. в издаваемом Люпон де-Немуром физиократическом журнале «*Ephémérides du citoyen*» и имели громадный успех. В течение короткого времени книга была переиздана четыре раза, а в 1770 г. «Размышления» были переведены на английский язык. Не довольствуясь однако своими индивидуальными

научными занятиями, Тюрго в течение всего своего пребывания в Лиможе руководит работами местного сельскохозяйственного общества и дает подробные рецензии на сочинения, представленные для соискания выставленных обществом наград.

ГЛАВА III

Тюрго—министр

10 мая 1774 года умер король Людовик XV и вступивший на престол Людовик XVI назначил своим первым министром престарелого графа Морена, находившегося в немилости в течение последних десятилетий предыдущего царствования. У Морена оказалось с Тюрго несколько общих знакомых, посоветовавших новому министру пригласить лиможского интенданта к себе в сотрудники, и, по настоянию Морена, в конце июля того же 1774 года Тюрго был назначен морским министром.

Но если назначение Тюрго было таким образом результатом чистой случайности, и он являлся в то время для придворных сфер новым человеком, то совершенно иначе отнеслась к назначению Тюрго французская буржуазия и в особенности ее наиболее интеллигентные представители. Деятельность Тюрго в качестве интенданта и в особенности его литературные произведения доставили ему широкую популярность среди французской буржуазии, и его назначение было восторженно встречено такими видными представителями буржуазной интеллигенции того времени, как Вольтер и Кондорсэ.

Но Тюрго недолго оставался во главе морского ведомства. Финансовый кризис, значительно обострившийся уже к концу царствования Людовика XV, составлял, как известно, одну из важнейших забот правительства того времени. Убедившись, что ненавистный населению генерал-контролер (т.-е. министр) финансов аббат Террэ не в состоянии вытаскивать французские финансы из того дефицитного тупика, в котором они к тому времени оказались, новый король решил переменить главу ведомства. Аббат Террэ был уволен в отставку, и на его место был назначен Тюрго. Назначение Тюрго генерал-контролером финансов было в сущности говоря таким же случайным, как и его назначение морским

министром, ибо одновременно с ним министром юстиции (garde des sceaux) был назначен бывший председатель руанского парламента Миромениль, ярый противник каких бы то ни было реформ.

22 августа 1774 г. новый генерал-контролер финансов был принят в аудиенции Людовиком XVI, а через два дня после этого—24 августа—он обратился к королю с письмом, в котором как бы в дополнение к личному докладу излагает основные черты своего плана экономической политики. Основная мысль этого плана заключалась в положении: «Никакого банкротства, никакого увеличения налогов, никаких займов» «Для того, чтобы выполнить эти три условия,—писал дальше Тюрго,—есть только один способ—добиться того, чтобы размеры расходов были меньше размеров доходов» Достигнуть этого можно только путем экономии. «В будущем можно надеяться, путем поднятия сельского хозяйства, уничтожения злоупотреблений при сборе налогов и более справедливого распределения повинностей, добиться значительного улучшения положения народа, не уменьшая при этом сколько-нибудь чувствительно доходов государства, но никакие реформы невозможны без предварительной экономии». Для того же, чтобы достигнуть экономии, по мнению Тюрго, необходимо сделать следующее: во-первых, запретить всем ведомствам производить какие-либо расходы помимо ведомства финансового, во-вторых, бороться с существующими злоупотреблениями и, в-третьих, и это главное, уничтожить подачки придворным, ибо, писал он, «ваше величество знает, что одно из главных препятствий для экономии заключается в громадном количестве осаждающих вас просителей, побуждаемых к настойчивости той необыкновенной легкостью, с которой ваши предшественники, к сожалению, встречали подобные просьбы».

Намечая подобный план деятельности, целиком вытекавший из его физиократических убеждений, Тюрго превосходно отдавал себе отчет в том, что эта мера вызовет сильный протест со стороны всех, выигрывавших от старой финансовой системы, и, в частности, со стороны придворной камарильи «Мне придется бороться с природной добротой и щедростью вашего величества и наиболее близких вам людей», писал Тюрго. «Я вызову страх и даже ненависть к себе со стороны большей части двора». Его письмо к ко-

ролю заканчивалось выражением надежды, что твердость Людовика XVI будет служить его министру поддержкой при исполнении его трудной задачи.

Указывая на экономию, как на задачу ближайшего будущего, Тюрго вместе с тем намекал и на необходимость в дальнейшем и других более коренных реформ в чисто физиократическом духе. С другой стороны нужно отметить, что, предусматривая в своем плане, хотя и в довольно туманной форме, необходимость изменения продовольственной политики, Тюрго заранее просил короля «не поддаваться негодующим крикам, каковых абсолютно невозможно избежать в данном вопросе, какои бы системы ни придерживались».

Первые недели пребывания Тюрго на посту генерал-контролера финансов были употреблены им на ознакомление с ведомством, на удаление преступных чиновников, на принятие некоторых мер к уменьшению государственных расходов и уничтожению различных злоупотреблений, связанных с откупной системой. Первая крупная реформа Тюрго имела место 13 сентября. В этот день было принято постановление королевского совета о восстановлении полной свободы внутренней хлебной торговли. Встав у власти, Тюрго первым делом добился изменения продовольственной политики. Нет ничего удивительного в том, что Тюрго, сделавшись генерал-контролером финансов, добился восстановления свободы хлебной торговли. Тем не менее некоторые стороны постановления 13 сентября не могут не показаться на первый взгляд совершенно неожиданными.

Постановлению 13 сентября 1774 г. было предпослано длинное предисловие, написанное самим Тюрго и представляющее формулировку принципов, уже выраженных им ранее в его «Письмах о свободе хлебной торговли». Самое же постановление состояло всего из четырех параграфов: § 1 устанавливает полную свободу внутренней торговли хлебом в полном согласии с декларацией 25 мая 1763 г.; § 2 запрещает чиновникам препятствовать этой свободе; § 3 воспрещает кому-либо выдавать себя за агентов короля по покупке хлеба и объявляет, что король, оставляя за собой право оказывать населению помощь в случае голода, вместе с тем отказывается от производства в будущем каких бы то ни было правительственных хлебных операций. Наконец, § 4, во-первых, устанавливает полную свободу ввоза во Францию хлеба

из-за-границы и даже разрешает обратный вывоз ввезенного во Францию иностранного хлеба и, во-вторых, объявляет, что разрешение вопроса о свободе вывоза хлеба за границу откладывается до наступления более благоприятных обстоятельств. Таким образом, не только откладывался на неопределенное время вопрос о свободе вывоза хлеба за границу, которая составляла в глазах Тюрго необходимое дополнение к свободе внутренней хлебной торговли, но и устанавливалась полная свобода ввоза, что решительно противоречило интересам производителя. Противоречие между взглядами, высказанными Тюрго в «Письмах о свободе хлебной торговли», и практическими мероприятиями, принятыми им в качестве министра, объясняется тем, что Тюрго, проведя через королевский совет свое постановление о свободе хлебной торговли, должен был считаться не только с возражениями многих влиятельных противников, но и с оппозицией некоторых членов совета, решительно возражавших против возвращения к принципам 1763—1764 г.г. Постановление 13 сентября явилось результатом компромисса между Тюрго и его противниками. Более того, помимо уже указанных двух пунктов, хлебное законодательство первых месяцев деятельности Тюрго содержало еще одно компромиссное постановление—это разрешение вопроса о парижских регламентах, данное, правда, не в самом постановлении 13 сентября, а в указе 2 ноября 1774 г., изданном для препровождения этого постановления на регистрацию парламента.

Мы уже видели, что законодательство до-революционной Франции устанавливало особые регламенты в целях обеспечения хлебом Парижа и его окрестностей, и даже законы 1763—1764 г.г. оставили эти регламенты в силе. Между тем постановление 13 сентября 1774 г. своим молчанием по данному пункту могло навести на предположение, что парижские регламенты также отменяются. Отзывы некоторых современников указывают на то, что дело было понято именно в этом смысле. Однако, такая мера, повидимому, в это время вовсе не входила в намерения Тюрго, ибо если он не считал возможным полностью восстановить в силе хлебное законодательства 60-х г. г., то тем более не было оснований идти дальше этого последнего. Вот почему в указе 2 ноября 1774 г. содержалось разъяснение, что вопрос об изменении парижских регламентов будет разрешен впоследствии.

Постановление 13 сентября было по-разному встречено различными классами французского общества. Буржуазия и интеллигенция встретили постановление в общем вполне сочувственно. Так, например, торговая палата г. Бордо благодарила Тюрго особым адресом. Для насроенной интеллигенции показательное отношение Вольтера, который будучи весьма далек от взглядов физиократов, написал тем не менее специальную брошюру, в которой восхвалял постановление 13 сентября. Но против него были настроены крайние слои населения—придворные и обитатели бель-этажей и чернь. Впрочем, вскоре произошли события, благодаря которым голоса сторонников Тюрго потонули в возгласах негодования его противников, и отрицательное отношение к свободе хлебной торговли сделалось почти всеобщим.

Дело в том, что если казенные хлебные операции, ставившие себе задачей снабжение городов хлебом и имевшие место при аббате Террэ, были ликвидированы сейчас же после издания постановления 13 сентября, то вместе с тем, благодаря некоторым особенностям французской бюрократической системы, введение в действие остальных частей этого постановления затянулось на довольно продолжительное время, и фактическое применение начал свободной торговли хлебом имело место не ранее начала 1775 года. При таком положении вещей неизбежно должна была произойти заминка в деле снабжения городов продовольствием; к тому же, как на зло, урожай 1774 года оказался весьма плохим. В результате во многих частях Франции начался голод, и весной 1775 г. по всей стране прокатилась волна голодных бунтов, дошедших до самого Парижа. Поразительная организованность голодных беспорядков, известных под названием «мучной войны», заставляет предполагать, что они были вызваны не только стихийным недовольством народных масс, но и сознательной провокационной деятельностью противников свободной торговли. Таково же было мнение и некоторых современников.

Под давлением этих событий Тюрго оказывается вынужденным пойти против своих убеждений и последовать примеру своих предшественников. Не восстанавливая, впрочем, государственных хлебных операций, он в дополнение к постановлению 13 сентября 1774 г., разрешавшему беспонтийный ввоз во Францию иностранного хлеба, проводит через

королевский совет постановление 25 апреля 1775 г., назначившее премию за ввоз во Францию хлеба через морские порты, и 8 мая, распространившее это правило также на ввоз хлеба сушией через Эльзас, Лотарингию и Три Епископства.

Однако Тюрго вовсе не думал ограничиться этими мерами законодательного характера. В нашем обзоре деятельности Тюрго в качестве интенданта, мы видели, что он являлся сторонником безжалостного подавления голодных волнений, и этот же принцип был перенесен им в его министерскую деятельность. Приказом короля от 5 мая 1775 г. дела о голодных беспорядках были переданы в ведение превентивных судов, а ордонанс 11 мая, обещавший (за исключением подстрекателей и предводителей бунтов) безнаказанность тем, которые добровольно откажутся от участия в беспорядках и разойдутся по домам, грозил смертной казнью всем, которые в дальнейшем будут участвовать в собраниях. Для борьбы с «мучной войной» была образована особая армия, военная власть была передана в руки самого Тюрго, и в результате этих военных и карательных мер голодные беспорядки были подавлены. Таким образом французская буржуазия еще на заре своего господства, еще тогда, когда она только стремилась к захвату власти, уже применяла против народных масс те же самые меры, которые столь хорошо знакомы нам по 1818 и 1871 г. г., и история «мучной войны» в этом отношении весьма мало отличается от первых лет Французской Революции.

Подавление майских беспорядков до известной степени укрепило положение Тюрго, пошатнувшееся было, благодаря сильнейшей оппозиции, которой были встречены его продовольственные предприятия, и это обстоятельство позволило ему сделаться смелее и продолжать свою деятельность в духе развития начал свободной торговли хлебом. Если еще в предыдущие месяцы были изданы законы, упразднявшие в некоторых городах Франции октруа и различные другие местные установления, препятствовавшие свободе хлебного оборота, то 3 июня 1775 года последовало постановление, отменявшее взимание с хлеба октруа и других сборов во всех городах Франции, за исключением Парижа и Марселя: 13 августа 1774 г. было объявлено о предстоящей отмене всех налогов на хлеб, собираемых в интересах частных лиц, и, наконец, в феврале 1776 года были отменены и парижские

хлебные регламенты. Впрочем, это последнее мероприятие было принято в связи с некоторыми другими чрезвычайно существенными реформами.

Уже при своем назначении на должность генерал-контролера финансов Тюрго намекал королю на необходимость коренных преобразований и в течение первых полутора лет своего министерства неизменно подготавливал их, осуществляя в то же время на ряду с уже упомянутыми нами целый ряд других сравнительно второстепенных реформ, как, например, эдикт 3 января 1775 г. об отмене круговой поруки при взимании тальи, постановление королевского совета от 30 декабря 1775 г. о передаче взимания в Париже подушной подати с привилегированных общин сборщикам податей и т. п. ¹⁾.

В январе 1776 года Тюрго представил Людовику XVI записку и проект шести эдиктов с очень подробной мотивировкой к ним. Основные их предложения сводились к следующему:

I. Упразднение по всей Франции натуральной дорожной повинности с заменой ее сооружением дорог хозяйственным способом, при чем для получения потребных для этого сумм устанавливался особый сбор, падавший на всех собственников, плативших десятину, т.-е. не только на представителей третьего сословия, но и на привилегированных.

II. Упразднение цеховой системы и установление свободы промыслов с введением этой реформы в Париже немедленно, а в остальной Франции—по выяснении размеров долгов провинциальных цехов, так как долги цехов должны были быть ликвидированы правительством. По соображениям политического и санитарного характера сохранялись лишь цехи: книгопродавцев, типографщиков, аптекарей и золотых дел мастеров, а также вплоть до выкупа цех цирюльников-банщиков, должности которых были ими куплены.

III. Уничтожение парижских хлебных регламентов и упразднение связанных с их существованием особых должностей.

¹⁾ В это же время написана и представленная Тюрго Людовику XVI записка о муниципалитетах.

Остальные проекты касались вопросов второстепенного характера и как бы вытекали из предыдущих.

При обсуждении предложений Тюрго в королевском совете они встретили сильнейшую оппозицию со стороны некоторых его членов и в частности со стороны министра юстиции Миромениля, написавшего ряд замечаний на предложения Тюрго. Тем не менее проекты Тюрго были приняты, и в феврале 1776 года шесть предложенных им эдиктов были опубликованы. Однако, парижский парламент, бывший оплотом реакции, не только отказался регистрировать эдикты, но даже обратился к Людовику XVI с демонстрациями (указаниями) против них, и для регистрации эдиктов понадобилось королевское заседание (так называемое «lit de justice») 12 марта, после чего эдикты получили силу закона.

День 12 марта 1774 года был днем высшего торжества Тюрго, но его победа была Пирровой победой, и лишь два месяца отделяют этот день от дня его отставки.

Из реформ, проведенных за эти два месяца, наиболее важными являются учреждение Учетной Кассы и установление свободы торговли вином.

Если предыдущие реформы Тюрго вооружили против него всех, терявших от упорядочения откупов и введения свободной торговли хлебом, при чем в числе последних были не только хлебные спекулянты, наживавшие на казенных поставках, но и народные массы, страдавшие от дороговизны и видевшие причину таковой в мероприятиях Тюрго, то февральские эдикты присоединили сюда целый ряд других классов и групп и сделали недовольство почти всеобщим. Цеховые мастера, недовольные уничтожением цехов, дворянство и духовенство, возмущенные попыткой Тюрго упразднить их налоговые привилегии; духовенство, кроме того, было возмущено запиской Тюрго о веротерпимости, судейская аристократия, оскорбленная поправлением воли парламента, — все соединились против Тюрго и требовали его отставки. Придворная камарилья, в особенности королева Мария-Антуанетта и братья короля, недовольные экономным отношением Тюрго к дворцовым расходам, с самого начала были за его удаление. Отставка Тюрго представлялась лишь вопросом времени, и приходится лишь удивляться на-

стойчивости Людовика XVI, так долго отстаивавшего своего министра при всеобщем недовольстве. Весьма вероятно, что эта настойчивость объяснялась тем, что после подавления «мучной войны» Тюрго вполне правильно казался Людовику XVI твердой опорой его уже начинавшего колебаться престола. Но слабохарактерный король не мог устоять против просьб своих приближенных, и в конце апреля отставка Тюрго была решена.

Узнав о близости своей отставки, Тюрго несколько раз пытался добиться у короля аудиенции, но Людовик XVI под разными предлогами отклонял эти попытки. Тогда Тюрго написал королю несколько писем, составленных в довольно энергичных выражениях. Но и эти письма остались без ответа. 12 мая Тюрго было сообщено об его отставке.

Последние пять лет его жизни прошли вдали от общественной деятельности и были исключительно посвящены научным и литературным занятиям. Тюрго умер в марте 1781 года. Что же касается произведенных Тюрго преобразований, то уже вскоре после его отставки большая их часть была аннулирована, и во Франции почти все осталось по-старому. Мирное преобразование Франции не состоялось; слово было за Революцией.

ГЛАВА IV

Политико-экономические и историко-философские взгляды Тюрго

Центральное место в теоретических взглядах Тюрго занимает его воззрение на источники доходов и тесно связанное с ним учение о классах.

Писатели XVIII века любили начинать свои исследования с преобразования первобытного общества, при чем это преобразование производилось ими не на основе изучения действительно имевших место фактов, а путем теоретических выводов, якобы вытекавших из идей «естественного состояния» и «естественного права». Типичным представителем своего времени был в этом отношении и Тюрго.

«Земля всегда является первым и единственным источником какого бы то ни было богатства, из ее обработки истекают все виды дохода», — так начинает Тюрго опи-

сание первобытного общества. Первый человек добывал себе средства существования, пользуясь готовыми дарами природы. «Его занятиями были собирание плодов, охота и рыбная ловля. Приручение пойманных животных привело к зарождению скотоводства, которое возникло раньше земледелия.

«Весьма вероятно, что люди повсеместно стали собирать стада и занимались скотоводством, раньше нежели перейти к более трудному возделыванию земли». Занятие скотоводством делает невозможным постоянный переход с места на место, характерный для народов, живущих охотой. Поэтому оно является переходной ступенью от охоты к земледелию.

Появившись после скотоводства, земледелие вместе с тем предшествовало возникновению частной собственности на землю, — «земли стали обрабатываться раньше, нежели они были разделены», при чем первобытный земледelec обрабатывал столько земли, сколько ему позволяли его силы, и во всяком случае получал больше того, чем нужно было для его прокормления. Утверждение, что прибавочный продукт существовал уже в первобытную эпоху, составляет один из краеугольных камней всего учения Тюрго.

Наличность в первобытном обществе прибавочного продукта вытекает, по мнению Тюрго, из потребности в нем для целей обмена. «Такое положение вещей, при котором каждый земледelec обрабатывал бы необходимый для его прокормления участок земли, не могло бы быть продолжительным. Получая со своего поля лишь необходимое для своего прокормления и не имея чем оплачивать работу других, земледelec был бы вынужден удовлетворять свои потребности в помещении, одежде, и т. п. собственным трудом, что было бы почти невозможно, так как *далеко не всякая земля способна все производить*». Поэтому «уже очень скоро опыт показал бы каждому, к производству какого рода продуктов его земля наиболее пригодна, и он занялся бы возделыванием таковых. Недостающие же ему продукты он стал бы получать посредством обмена с соседями, которые со своей стороны обратились бы к возделыванию наиболее пригодных для их земли продуктов и совершенно забросили бы производство всех остальных». Таким образом, Тюрго совершенно не допускает возможно-

сти существования замкнутого домашнего хозяйства, и *наличность* обмена уже в самые давние времена составляет для него аксиому, которую он не считает нужным доказывать.

То же самое относится и к существованию промышленности, так как продукты, производимые природой, даются не в готовом виде, а в большинстве своем требуют обработки. «Если бы человек, путем возделывания земли получивший различные продукты и употребивший их для удовлетворения своих потребностей, оказался бы вынужденным подвергать их вместе с тем всевозможным видам обработки, то нет сомнения в том, что это удалось бы ему лишь в очень слабой степени».

Таким образом, Тюрго ни минуты не сомневается в том, что в первобытном обществе на ряду с обменом существовало и разделение труда. «Та же самая причина, которая вызвала обмен продуктами между возделывателями участков различной природы, должна была также привести к возникновению обмена продуктов на труд, обмена, производимого между земледельцами и другой частью общества, занимающейся не добыванием продуктов земли, а их обработкой».

Наличность обмена и разделение труда уже в первобытном обществе служит для Тюрго предпосылкой, которая вполне последовательно приводит его к существованию в первобытном обществе и прибавочного продукта. «Уже первые люди, занявшиеся возделыванием земли, обрабатывали, по всей вероятности, столько земли, сколько были в состоянии, и, следовательно, *больше того, чем это требовалось для их прокормления*».

Что же является источником этого прибавочного продукта, дающего возможность земледельцу не только существовать, но и обменивать излишки своих продуктов на другие продукты и труд других людей? Тюрго отвечает: «Это — естественный результат плодородия земли... Благодаря тому, что труд земледельца приносит больше того, чем требуют его потребности, он может использовать этот излишек, превышающий вознаграждение за потраченный им труд и являющийся даром природы, для покупки труда других членов общества». Земля имеет свойство приносить известный излишек сверх того, что затрачено на ее обра-

ботку; этот-то излишек и допускает возможность обмена и разделения труда. Поэтому между земледельцами и лицами неземледельческих профессий существует большая разница. «Единственным источником заработков, получаемых другими членами общества в награду за их труд, является тот превышающий его личные потребности излишек, который он (земледелец) получает при обработке земли». Источник дохода земледельца — дар природы, а источник дохода неземледельца — доход земледельца. По этому размер дохода первого зависит от природы, а размер дохода второго «зависит не только от него самого, но определяется его соглашением с тем, кто оплачивает его труд. При этом играет роль конкуренция между рабочими, и заработная плата устанавливается на основе закона спроса и предложения, в конце концов, «во всех видах труда должно иметь место и действительно замечается, что заработная плата рабочего ограничивается размерами, необходимыми для его прокормления».

Разница в источниках доходов земледельцев и лиц других профессий ведет, по мнению Тюрго, к тому, что уже в первобытном обществе можно заметить существование двух классов. Первый, обрабатывая землю, доставляет источники существования как для самого себя, так и для второго класса, а потому может быть назван «классом производительным» (*classe productrice*); второй, перерабатывая созданные первым классом продукты, живет на получаемое от него жалование и поэтому получает название «оплачиваемого класса» (*classe stipendiée*).

Таким образом, в первобытном обществе существует, по мнению Тюрго, два класса. Дальнейший ход развития ведет к образованию третьего.

Мы уже видели, что земледелие, по мнению Тюрго, возникло раньше частной собственности на землю. Но именно появление земледелия и явилось причиной возникновения этой собственности. «Обработка земли была единственной причиной ее раздела и вызвала появление закона, гарантирующего каждому владение его собственностью»; «прекращение общинного владения землей и установление частной собственности на землю было результатом труда тех людей, которые впервые взялись за обработку земель и огородили их, чтобы обеспечить себе пользование урожаем». Впрочем,

в это время земли еще хватало на всех, и все были собственниками, а, следовательно, сами должны были обрабатывать свои участки: «каждый трудолюбивый человек имел возможность получить сколько угодно земли, не имея никаких оснований работать на другого. Отсюда вытекало, что всякий землевладелец должен был либо сам обрабатывать свой участок, либо бросить его на произвол судьбы».

Однако, со временем положение изменилось: благодаря увеличению народонаселения, сперва земли лучшего качества, а затем и все вообще земли оказались разобранными, и людям, оставшимся без земли, не осталось ничего другого, как пополнять собой ряды оплачиваемого класса. Если, как мы видели выше, первоначально этот класс пополнялся людьми, предпочитающими заниматься не добыванием продуктов земли, а их обработкой, т.е. шедшими в ряды оплачиваемого класса, так сказать, из любви к искусству, то теперь положение изменилось: в ряды этого класса должны были идти все, не имевшие собственности. А так как такому безземельному было, конечно, решительно все равно, за какую работу получать жалование от владельца земли, а последний, с другой стороны, имел излишек, позволявший ему оплачивать труд других людей, то при помощи этого излишка он получил возможность нанять людей для обработки своего участка... Благодаря этому, владение землей оказалось отделенным от ее обработки». Единый прежде производительный класс оказался разделенным на землевладельцев и земледельцев.

Это разделение, раз начавшись, все усиливалось, и Тюрго указывает на четыре причины, содействовавшие усилению неравенства. Причины эти следующие:

1) Разница в количестве земли, захваченной ее первыми владельцами. Разница эта, по мнению Тюрго, зависела от различия в числе членов семьи и в индивидуальных свойствах этих владельцев;

2) разница в качестве отдельных участков;

3) неравномерность дробления участков по мере перехода их по наследству и

4) разница в уме, прилежании и других индивидуальных чертах владельцев, оказывающих влияние на все их благосостояние.

Благодаря совокупному действию всех этих причин, неравенство в размере участков чрезвычайно усилилось, и оказалось много людей, имевших участки такой величины, что они не были в состоянии обрабатывать их собственными силами. «К тому же вполне естественно, что каждый человек стремится спокойно пользоваться своим богатством и предпочитает отдавать часть своего излишка людям, работающим на него, нежели тратить все свое время на тяжелую работу».

Разделение прежде единого производительного класса на две части вызывает и разделение дохода. «Благодаря такому соглашению, доход от земли делится на две части. Первая включает в себя средства существования и прибыль земледельца, получение коих является наградой за его труд и условием, под которым он соглашается обрабатывать участок землевладельца; вторая же получается землевладельцем и составляет тот доход, которым он может распоряжаться по своему усмотрению и который дает ему возможность жить, не трудясь. Эта часть, «остающаяся за вычетом первой части, и составляет тот излишек, который земля приносит сверх затраченных на ее обработку средств и труда земледельца и который является даром природы, вполне самостоятельным и подлежащим свободному распоряжению».

Теперь, таким образом, налицо уже три класса — класс земледельцев, за которым Тюрго сохраняет название производительного (*classe productrice*), оплачиваемый класс (*classe stipendiée*), и класс землевладельцев — «единственный, который, не будучи связан вследствие необходимости прокормления с какой-либо одной определенной работой, может быть использован для удовлетворения коллективных потребностей общества, как, напр., война или администрация, либо в форме личной службы, либо в виде уплаты части своего дохода, на которую государство или общество могло бы содержать нанимаемых им служащих». Соответственно этому характеру класса землевладельцев, Тюрго присваивает ему название свободного класса (*classe disponible*).

Из этих трех классов два, по мнению Тюрго, довольно близки между собой. Это классы производительный и оплачиваемый, сходные тем, что члены того и другого не имеют собственности и живут трудом своих рук, да и заработная плата их приблизительно одинакова и устанавливается на

основании одного и того же закона — спроса и предложения. Но на ряду со сходством, между ними имеется одно, и притом кардинальное, различие — производительный только класс земледельцев.

«Между обеими категориями имеется та разница, что в то время, как земледelec производит не только свою заработную плату, но и тот доход, который идет на содержание всего класса ремесленников и прочих оплачиваемых, эти последние не создают никакого дохода, а просто получают в обмен на свой труд заработную плату, т.-е. известную часть дохода от земли. Все, что получает землевладелец, создается лишь трудом земледельца; землевладелец получает этим путем не только свой доход, но и те средства, которыми он оплачивает работу нанимаемых лиц. Он нуждается в земледельце в силу того физического закона, что земля ничего не производит без приложения труда, а земледelec, с другой стороны, нуждается в землевладельце лишь в силу тех законов и установлений, которые гарантировали первым возделывателям земли и их потомкам владение занятиями ими участками, даже в том случае, если они перестанут их обрабатывать».

Таким образом, в современном обществе, так же, как и в первобытном, земледельцы — единственный производительный класс, двигатель всей хозяйственной жизни. «Земледelec, несмотря на ограниченность размеров его заработка, сохраняет естественно и физически свойственное ему первое место, делающее его первым двигателем всего общественного механизма, так как от его труда рождается не только его собственный заработок, но также и богатство землевладельца и плата за все остальные работы». Вот почему оплачиваемый класс может быть также назван и непроизводительным (*classe stérile*).

Но на ряду с этим между обществом первобытным и обществом современным есть, по мнению Тюрго, одна крайне существенная разница. Там производительный класс, т.-е. класс земледельцев, был вместе с тем и классом землевладельцев; теперь же класс земледельцев, сохраняя свое значение единственно производительного класса, оказался лишеным земли и по условиям своей жизни стал очень похожим на противоположный ему по своей экономической роли оплачиваемый класс.

Однако, об'являя единственным производительным классом современного общества класс земледельцев, противоположаемый им классу землевладельцев, Тюрго отнюдь не становится выразителем классовых интересов крестьянства. В своих сочинениях он неоднократно возвращается к вопросу о преимуществах различных систем землепользования и неизменно выступает врагом мелкого крестьянского хозяйства и сторонником крупной капиталистической аренды. Вот почему Тюрго, говоря о производительном классе, имеет в виду не крестьян, а капиталистических фермеров. Мы видели выше, что не находивший себе применения торговый капитал мечтал о своем внедрении не только в промышленность, но и в сельское хозяйство, и Тюрго, в качестве выразителя интересов этого торгового капитала, изображал нарождавшихся еще только во Франции крупных капиталистических фермеров единственным производительным классом страны.

Видя единственный источник прибавочной ценности в способности земли давать некоторый излишек над затраченным на ее обработку трудом, Тюрго должен был как будто оказаться противником права частной собственности на землю. Раз землевладелец нуждается в земледельце в силу «физического» и «естественного» закона, а земледелец в землевладельце лишь в силу человеческих «законов и установлений», то эти последние являются неправомерными, и право собственности на землю должно быть возвращено обрабатывающим ее земледельцам.

Но Тюрго не был бы верным выразителем интересов своего класса, если бы пришел к подобным выводам. Как представитель буржуазии, он был врагом собственности феодальной и именно поэтому не только об'являл землевладельцев, т.-е. феодальных дворян, непроизводительным классом, но и насмехался над «суеверным уважением к собственности, в большинстве случаев выросшей из узурпации». Но выступление против собственности, как таковой, решительно противоречило интересам представляемой Тюрго буржуазии. Вот почему, начав с осуждения права собственности на землю, отделенного от труда по ее обработке, а это было нужно для осуждения феодальной собственности, Тюрго в дальнейшем приходит к оправданию права собственности, поскольку его источником является труд

В самом деле, уже цитированное нами выше утверждение, что «законы и установления» гарантировали первым возделывателям земли и их потомкам владение занятыми участками даже тогда, когда они перестали их обрабатывать, кончается заявлением, что это произошло потому, что они «вложили в эти участки капиталы, благодаря которым привели их в состояние, годное для обработки, при чем эти капиталы как бы срослись с самой землей». А в дальнейшем Тюрго поясняет это утверждение: «Всякий труд, будь то в сельском хозяйстве, промышленности или торговле, неизбежно нуждается в капитале. Даже при обработке земли голыми руками, земледелец нуждается в семенах для посева и в пище до жатвы. Чем больше совершенствуется способ обработки земли, тем больше делается разчер потребных авансов».

Итак, право собственности на землю лиц, переставших ее обрабатывать, оправдывается Тюрго тем, что они сами или их предки вложили в эту землю известный капитал, ставший неотделимым от земли. Откуда же берется этот капитал?

Мы видели выше, что Тюрго усматривал источник прибавочной ценности в свойстве земли приносить излишек сверх того, что затрачено на ее обработку «Начиная с того момента, когда владение землей обеспечило людям ежегодный доход, превосходящий размеры их потребностей, должны были найтись люди, которые, из беспокойства ли за будущее или даже из простой осторожности, стали откладывать часть ежегодного дохода для того, чтобы предотвратить возможные несчастные случайности или увеличить размер своего благосостояния». Однако, владение землей не является, по мнению Тюрго, единственным источником накопления, и, хотя доход людей оплачиваемого класса носит производный характер и определяется на основе закона спроса и предложения, но «конкуренция, существующая в различных отраслях производства, никогда не бывает настолько значительной, чтобы человек более ловкий, энергичный и особенно более экономный в отношении личных расходов, чем остальные, не смог бы заработать несколько больше того что требуется для существования его и его семьи и обеспечить себе, таким образом, накопление небольшого капитала». Больше того, люди так называемого оплачиваемого класса более склонны к накоплению, чем землевладельцы.

«В общем можно отметить, что хотя землевладельцы имеют больше излишка, они накапливают меньше, так как, обладая большим количеством свободного времени, они имеют больше желаний, больше страстей. Они считают себя более обеспеченными и думают больше о приятном употреблении своего богатства, чем об его увеличении; роскошь становится их уделом. Что же касается оплачиваемых (salariés) и в особенности предпринимателей из других классов, получающих заработок, пропорциональный их затратам, талантам и активности, то они, хотя и не имеют дохода (revenu, в узком смысле слова, все же обладают излишками против того, что нужно для их существования. Занятые почти все своими предприятиями, погруженные в увеличение своего богатства, отрываемые работой от разорительных развлечений и страстей, они имеют возможность сберечь весь излишек и вкладывать его в свои предприятия для увеличения их размеров».

Сделавшись апологетом первоначального накопления, певцом скопидомства, этой высшей добродетели эпохи торгово-капитализма, Тюрго нашел путь, позволяющий ему соединить отрицание феодальной собственности с преклонением перед собственностью буржуазной. Осудив собственность феодального дворянства, основанную на узурпации и на противных естественному праву «законах» и «установлениях», он преклоняется перед собственностью трудовой, связанной с процессом первоначального накопления, т. е. собственностью буржуазной. Если изложенное нами выше утверждение Тюрго, что земледельцы, т. е. капиталистические фермеры—единственный производительный класс, должно было создать экономическое оправдание для конфискации дворянских земель и передачи их буржуазии, то преклонение перед благородным характером добродетельного капиталистического накопления должно было послужить оправданием моральным. Тюрго подготавливал замену феодального общества буржуазным и был провозвестником тому перевороту во французском землевладении, который был впоследствии осуществлен Революцией.

Историко-философские и политические взгляды Тюрго вполне соответствуют его экономическим воззрениям Идеолога класса, так настойчиво и неуклонно стремившегося к власти, как французская буржуазия XVIII века, не мог быть пессимистом, и, действительно, знаменитая речь Тюрго. «О постепенном прогрессе человеческого разума» является выражением одной из наиболее оптимистических историко-философских концепций эпохи: «Жажда наживы, честолюбие, любовь к власти меняют постоянно облик мира и заливают землю кровью, но среди производимых ими опустошений нравы смягчаются, и человеческий разум просвещается. Разделенные прежде народы сближаются друг с другом, торговля и международные сношения захватывают, наконец, весь земной шар, и человеческий род путем постоянной смены периодов спокойствия и волнений, счастья и напастей, приближается постепенно, хотя и медленным темпом, все больше к совершенству».

Политические воззрения Тюрго также характерны для крупной французской буржуазии третьей четверти XVIII века. Неуклонное приближение Франции к государственному банкротству создавало общее недовольство в стране. Но в то время, как среди мелкой и даже средней буржуазии уже тогда, в 60-х и начале 70-х гг., начинали проявляться революционные настроения, крупная буржуазия ставила своей задачей лишь мирный и постепенный переход от монархии дворянской к монархии буржуазной. Ее идеалом был так называемый просвещенный абсолютизм, и Тюрго, ярый сторонник этого идеала в своих теоретических построениях, стремится и в практической деятельности проводить его в жизнь: в представленной им Людовику XVI записке о муниципалитетах он предлагал ряд реформ, имевших своей задачей превращение феодальной Франции в типичную страну просвещенного абсолютизма. Характерна при этом крайняя осторожность, которую Тюрго рекомендует при проведении реформ. Так, высказываясь за отмену налоговых привилегий высших сословий, он замечает, что делать это нужно лишь постепенно, и что, «не отказываясь от постепенного исправления недостатков устаревшей конституции, делать это следует не торопясь, в соответствии с изменением общественного мнения и ходом событий». Теоретик крупной французской буржуазии 60-х и 70-х гг. XVIII века, Тюрго еще

весьма далек от революционной фразы и еще более далек от решительных революционных действий, на путь которых представляемая им буржуазия впоследствии вынуждена была ходом событий встать, отчасти в силу неудач, которые постигли его реформаторские планы.

ГЛАВА V

Экономическая политика Тюрго

Тюрго было не только и даже не столько экономистом и политиком-теоретиком, сколько практиком. Вот почему взгляды Тюрго на основные вопросы экономической политики дают нам для уяснения его классовой физиономии более богатый материал.

В этом отношении очень характерна налоговая политика Тюрго. «Так как государственные расходы совершаются в интересах всех граждан, то все граждане должны в них участвовать», заявляет он и, признавая законность привилегий дворянства в ту эпоху, когда оно несло бесплатную военную и гражданскую службу, считает дальнейшее существование этих привилегий противоречащим справедливости.

Но, высказываясь против налоговых привилегий *высших сословий*, представитель интересов французской буржуазии вовсе не был против *всяких* налоговых привилегий вообще. Объявив, что источником прибавочной ценности служит земля, вследствие чего единственным классом, действительно получающим доход, является класс землевладельцев, Тюрго должен был сделать из этого естественный вывод, что единственный справедливый налог — налог, падающий на землевание. Однако, не считая, повидимому, справедливость аргументом, могущим в достаточной степени убедить привилегированные сословия, Тюрго идет дальше и пытается доказать, что уже в настоящее время все налоги ложатся, хотя и в скрытом виде, на одних только землевладельцев.

Тюрго рассматривает три случая: налоги могут взиматься: 1) с землевладельцев, 2) с производителяльного класса, т. е. земледельцев, и 3) с класса оплачиваемого. В первом случае вопрос сам по себе ясен. Во втором следует иметь в виду, что налоги земледельца уменьшают его доход, а

следовательно, в последнем счете, и ренту землевладельца. Что же касается третьего случая, то, так как заработная плата рабочего равна, по мнению Тюрго, стоимости минимума необходимых ему средств существования, то обложение его налогами вызовет либо повышение заработной платы, что в последнем счете отразится на землевладельце, либо сокращение его потребления, что опять-таки невыгодно для последнего. Впрочем, это последнее явление не может, по мнению Тюрго, быть продолжительным, так как рабочие естественно стремятся получать больше необходимого им минимума и в случае падения заработной платы переключаются в другое место, что вызовет уменьшение конкуренции и повышение заработной платы.

Ограничивая случаи взимания налогов с оплачиваемого класса одними только рабочими, Тюрго извращает существовавшее во Франции того времени положение вещей, когда налоги взимались не только с крестьян-земледельцев и рабочих, но и с буржуазии. Но эта передержка необходима ему для конечного вывода, который заключается в следующем: «...Все налоги, какого бы рода они ни были, всегда, в последнем счете, уплачиваются землевладельцами... Вот почему, если бы все налоги падали только на землю, как землевладельцы, так и государство выиграли бы при этом всю ту сумму, которая поглощается издержками по взиманию налогов». Это именно то, что нужно было Тюрго доказать, т. е. установить необходимость единого земельного налога, падающего на землевладельцев, а не на арендаторов, выразителем интересов которых он как раз и являлся. Таким образом, Тюрго хотел заменить налоговые привилегии *высших сословий* такими же точно привилегиями, но только уже для *буржуазии*.

В своем сочинении «Похвала Гурнэ», в котором Тюрго под видом изложения взглядов Гурнэ, излагает свои собственные, он дает *принципиальное* обоснование необходимости свободы торговли... «При полном совпадении интересов всего общества с интересами отдельных лиц лучшее, что можно сделать—это предоставить каждому делать, что он хочет. А между тем при предоставлении торговле полной свободы, такое совпадение интересов должно стать неизбежным... Государство может интересоваться торговлей с двух точек зрения Как защитник интересов отдельных входящих

в его состав лиц, государство заинтересовано в том, чтобы никто не мог причинить другому значительного ущерба... Как общественное целое, вынужденное защищаться от внешних нападений и заботиться о внутреннем благосостоянии, государство заинтересовано, чтобы по возможности увеличить сумму ежегодного производства сельского хозяйства и индустрии».

По первому пункту Тюрго утверждает, что защита интересов отдельных граждан лучше всего гарантируется полной свободой их сделок. Конечно, среди торговцев могут быть и мошенники, но человек, раз нарвавшийся на обман, станет впоследствии более осторожным. Искусственное уменьшение числа производителей ведет путем сокращения конкуренции к ухудшению их товаров, а уменьшение числа потребителей приводит к сокращению производства. Помимо этого, регламентация производства препятствует развитию инициативы и усовершенствования техники, а осуществление ее поручается людям, могущим легко использовать свое положение в своекорыстных целях. Наконец, содержание этих людей обходится государству чрезвычайно дорого.

Что же касается второго момента, то свободная торговля, содействуя увеличению производительности страны и возрастанию доходов, а следовательно и платежеспособности отдельных граждан, выгодна не только для этих последних, но и для всего государства в целом. Таким образом, между интересами отдельных личностей и государства существует полная гармония, и единственная экономическая политика, соответствующая общей выгоде, — это политика свободной торговли.

Однако Тюрго не ограничивается принципиальной защитой свободной торговли и прибегает к детальному разбору отдельных вопросов в этой области. На первом месте стоит вопрос о хлебной торговле.

Мы ознакомились выше с той сложной законодательной системой, которая регулировала в до-революционной Франции торговлю хлебом. Совершенно ясно, что французская торговая буржуазия, лишенная возможности внедриться в сельское хозяйство и промышленность, прежде всего должна была отстаивать необходимую ей свободу оборота в этой важнейшей по тому времени отрасли торговли. Вот почему Тюрго не мог не обратиться на этот вопрос самого серьез-

ного внимания, и, действительно, не говоря уже о целом ряде отдельных замечаний о свободе хлебной торговли, рассыпанных во многих его произведениях, Тюрго посвятил этой теме свои знаменитые «Письма о свободе торговли хлебом».

Впрочем, следует отметить, что Тюрго, будучи, как мы знаем, представителем не столько торговой буржуазии вообще, сколько той части ее, которая стремилась превратиться в буржуазию *аграрную*, защищает принцип свободы хлебной торговли прежде всего с точки зрения интересов производителей, под которыми он, как всегда, подразумевает не мелких собственников-крестьян, а крупных арендаторов-фермеров. Возражая на утверждение аббата Террэ, что повышение хлебных цен не принесет пользы арендаторам, т. к. оно будет учтено землевладельцами, которые соответственно повысят арендную плату, Тюрго отвечает, что это не совсем так, ибо при продолжительном (обычно 9 лет) сроке аренды, землевладельцы не сумеют сразу же воспользоваться своим правом изменения арендных условий. Но даже если арендаторы и будут уплачивать большую плату за землю, то это, по мнению Тюрго, будет свидетельствовать лишь об увеличении их благосостояния, а «ясно, что, вообще говоря, далеко не безразлично, находятся ли земледельцы в положении благосостояния или нужды».

Мало того, Тюрго считает неправильным и самое утверждение Террэ о повышении арендных цен, в случае установления свободы хлебной торговли. «Для того, чтобы оно оказалось правильным, следовало бы предположить возможность для землевладельца диктовать свои условия фермеру... Между тем, есть столько же оснований предполагать, что и фермер может диктовать свои условия землевладельцу, ибо их нужда друг в друге взаимная, и землевладелец может так же мало обойтись без фермера, как и фермер без землевладельца».

Повышение хлебных цен будет выгодно, по мнению Тюрго, не только для капиталистических фермеров, но и для мелких арендаторов-половников. Свобода хлебной торговли увеличит и их благосостояние, в результате чего «они постепенно станут превращаться из половников в фермеров». Таким образом, Тюрго ожидал, что установление свободы хлебной торговли вызовет развитие капиталистического

сельского хозяйства, и уже по одному этому он должен был высказываться за осуществление этой меры.

Однако Тюрго хорошо понимал, что если правительство в лице аббата Террэ стоит против свободы торговли, то делает это, вовсе не исходя из тех или иных принципиальных соображений, а просто потому, что видит в регламентации единственный способ снабжения продовольствием крупных городских центров. Вот почему, не ограничиваясь только что приведенными соображениями, Тюрго доказывает, что система государственного вмешательства не достигает цели, и утверждает, что только частная инициатива сумеет действительно наладить трудное дело продовольствования городов. При этом он идет настолько далеко, что высказывается и за разрешение экспорта, ибо полагает, что в случае неурожая и повышения цен на внутреннем рынке, экспорт хлеба сам собой приостановится, в силу чего нет нужды запрещать его законодательным путем.

Мы уже знаем, что одной из причин, заставлявших правительство вмешиваться в хлебную торговлю, было распространенное среди народных масс убеждение, что причиной голодовок являются интриги хлеботорговцев и прочих спекулянтов. Поэтому Тюрго требовал не только законодательного установления свободы хлебной торговли, но ряда просветительных мероприятий, имеющих целью рассеять народные предрассудки.

Вопрос о свободе хлебной торговли и даже о свободе торговли вообще и в частности о свободе отдачи денег в рост, каковому вопросу посвящена «Записка о денежных ссудах», не был, однако, единственным, интересовавшим Тюрго вопросом практической экономической политики. Поскольку торговая буржуазия Франции стремилась превратиться не только в аграрную, но и в промышленную, и так как главным препятствием, стоявшим на пути к промышленному капитализму, была цеховая система, Тюрго должен был обрушиться и на эту последнюю. Уже в известной нам «Похвале Гунэ» Тюрго высказал себя противником цехов и сторонником свободной конкуренции в промышленности, а в предшествовавшей эдиктам 1776 г. записке к королю он утверждает, что отмена цехов «является, после установления свободы хлебной торговли, одним из важнейших шагов по пути к оздоровлению или, вернее, к

обновлению королевства Этот второй шаг будет в отношении промышленности тем же самым, что первый был в отношении сельского хозяйства».

Но, стремясь к установлению свободы торговли и промышленности, буржуазия хотела добиться не только свободы своего обогащения, но и свободы эксплуатации рабочих и крестьян. В этом отношении чрезвычайно характерна инструкция, изданная Тюрго (бывшим в то время еще интендантом) по организации благотворительного бюро для жертв неурожая. «Благотворительные бюро, говорит в этой инструкции Тюрго, должны обратить внимание на то, чтобы помощь, предназначенная для действительной бедности, не обратилась в потакание лени. Бедные делятся на две различные категории, помощь которым должна быть оказываемая двумя различными способами. Первая категория это те кого возраст, пол или болезнь лишают возможности зарабатывать себе пропитание; вторая же категория — это трудоспособные. Только первые должны получать даровую помощь; что же касается вторых, то они нуждаются в зарботке, и лучшая помощь в их отношении заключается в доставлении им такового». Для этой последней цели инструкция предусматривает образование благотворительных работ, при чем Тюрго обращает особенное внимание на необходимость позаботиться, чтобы благотворительные мастерские не могли составить конкуренции частным предприятиям, и предлагает платить занятым в них рабочим заработную плату, пониженную против обыкновенной. Таким образом, французская буржуазия уже в период борьбы против феодализма обнаруживала на ряду с жадной захвата власти стремление к полной свободе эксплуатации рабочих и крестьян, и Тюрго здесь, как и во всем прочем, оказывался истинным выразителем интересов своего класса.